

16+

Роксана Гедеон
К чужому берегу
Сюзанна-12

Роксана Гедеон
К чужому берегу

«Автор»

2018

Роксана Гедеон

К чужому берегу / Роксана Гедеон — «Автор», 2018

1800 год. Франция бурными темпами возрождается после десятилетия разрухи и упадка. Не только французы, но и вся Европа в восхищении от первого консула Бонапарта. Этот человек стремится ко всеобщему миру, а его управленческий гений, кажется, не имеет границ: он строит дороги, мосты и каналы, пишет законы, наполняет казну золотом. Тысячи туристов, впервые после революции наводнивших Париж, шлют восторженные реплики к себе на родину. Поэты и композиторы посвящают генералу свои лучшие произведения. Немногим удается в это время разглядеть истинное лицо Бонапарта. Перед Сюзанной дю Шатлэ открывается его настоящий облик – облик монстра, существа странной природы, не знающей ни добра, ни зла, ни милосердия, ни жестокости. Люди для него – безликие фишки, мир – арена для бессмысленных авантюр. И хотя друг Сюзанны, министр Талейран, с оптимизмом смотрит в будущее Франции, героиня делает выбор, который подсказывает ей сердце. И который ранее без колебаний уже сделал ее муж...

© Роксана Гедеон, 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Роксана Гедеон

К чужому берегу

Глава первая

Приглашение на бал

1

22 марта 1800 года Париж встретил нас проливным дождем. Было только три часа пополудни, но казалось, что уже наступают сумерки; пока мы ехали через Вожирар, нам не встретился ни один человек на улице, а серые стены заставы Сен-Жермен выплыли перед нами из завесы ливня почти внезапно, как оазис в пустыне перед утомленным путником.

Пятидневное путешествие по скверным дорогам превратилось в семидневное и осложнилось еще и постоянной плохой погодой. Близ Шартра прямо посреди пути карета угодила в выбоину, у нее отлетело колесо, и мы едва не опрокинулись. Спасла нас только интуиция Брике, который будто предвидел происшествие и вел лошадей крайне осторожно, но все равно синяков на нас оказалось достаточно. Парень, нахлобучив на себя шляпу и закутавшись по глаза в накидку, преодолевая дождь, побрел до города, чтобы разыскать кузнеца, а я со служанками почти четыре часа сидела в экипаже, слушая яростный стук капель о крышу и ожидая, пока нам придут на выручку.

Ремонт кареты тоже занял немало времени. В результате мы были вынуждены заночевать в Шартре, чего вовсе не планировали, и продрогнуть до костей в плохой придорожной гостинице. Я молила Бога, чтобы не простудиться и не отравиться сомнительной гостиничной снедью, – ведь в Париж мне надо было попасть здоровой, и была несказанно рада, когда увидела перед собой очертания предместья Сен-Жермен с его богатыми особняками под добротными черепичными крышами. Над ними так уютно вился дымок от растопленных каминов!

— Даже не верится, что мы в двух шагах от дома и от цивилизации. Ну-ка, Брике, ступай поторопи господ гвардейцев!

Пока таможенный офицер, не слишком любезный и мокрый до нитки, просматривал наши бумаги и паспорт, выданный мне полтора года назад Талейраном, я мечтала о том, как окажусь в отеле дю Шатлэ и отогреюсь. Конечно, семейство моего брата занимает только небольшую часть дома, и в остальных комнатах надо будет наводить порядок, но на теплый очаг и хороший обед я вполне могла рассчитывать.

Радовало так же то, что гвардеец на заставе не заикался о какой-либо плате за право въезда в город. Пару лет назад, когда Францией управляла алчная Директория, на заставах толпились всякие проходимцы, самовольно взимающие с путешественников пошлину за один только въезд. Эти деньги, разумеется, шли отнюдь не в казну, а директора делали вид, что не могут покончить с этим произволом. Теперь придорожных вымогателей как ветром сдуло, и в этом я усматривала руку Бонапарта: генерал, как видно, умел наводить порядок не только в Бретани.

Гвардеец ограничился тем, что спросил, куда мы направляемся.

— На Королевскую площадь, – ответила я, надеясь, что расспросы не будут продолжительными. – Там находится дом моего мужа.

Офицер пожал плечами:

— Чтоб вы знали, в Париже нет Королевской площади, гражданка. Это название уничтожено вместе со Старым режимом.

— Я знаю об этом. Но названия во время революции менялись так часто, что я не могу вспомнить новые.

Он вернул мне бумаги и, желая продемонстрировать свою столичную осведомленность, просветил меня: Королевская площадь нынче, согласно указу первого консула от 8 марта, называется площадью Вогезов – в честь одноименного департамента, который первым уплатил военный налог в казну.

— Отлично! – сказала я. – Уверю вас, мне нравится это название. По крайней мере, оно не напоминает о якобинцах. Но если это единственное, что удалось изменить первому консулу, я буду несколько разочарована.

Бонапарт был при власти уже более четырех месяцев, но, сказать по правде, я не видела пока существенных изменений, на которые все так надеялись. Да, война в Бретани прекратилась, с застав исчезли вымогатели, а с дорог – разбойники, но сами дороги отнюдь не улучшились, и торговля не очень-то оживилась. Да и как было ей оживиться, если Англия по-прежнему господствовала на морях и, находясь в состоянии войны с Францией, не позволяла ни одному французскому судну пересечь Атлантику.

Впрочем, и с остальной Европой Республике все еще не удавалось помириться. Бонапарт, едва придя к власти, отправил письма королю Англии и императору Австрии с предложением заключить мир. Однако эти страны, понимая, что казна Франции пуста, а сама Франция обескровлена десятилетними войнами, не спешили отвечать согласием, тем более, что им самим еще неясно было, что из себя представляет Бонапарт и каковы его устремления.

Австрия не согласна была с потерей итальянских владений, поэтому чопорный император Франц вообще не удостоил первого консула ответом и явно готовился к военному реваншу. В том, что новая схватка у подножия Альп близка, не сомневался никто: обе стороны ждали только прихода весны, чтобы начать кампанию. Что касается английского короля Георга, то он вообще крайне возмущен тем, что ему осмеливается напрямую писать очередной французский узурпатор, и устами своего премьер-министра Питта посоветовал первому консулу не воображать себя равным королям и немедленно восстановить на троне Бурбонов, а потом уже заикаться о мире. На этой резкой ноте мирные переговоры и прервались.

Что было особенно заметно, так это желание Бонапарта взять все бразды правления в свои руки и покрепче натянуть вожжи. Консулат очень недолго просуществовал в том виде, в каком его оформили 18 брюмера: Бонапарт, Сиейес, Дюко. Не прошло и месяца, как генерал дал пинка двум своим коллегам: аббат Сиейес был для него в качестве напарника слишком властолюбив, Дюко – слишком ненадежен. Выдав им по хорошей денежной сумме и по добротному особняку и обеспечив обоих доходными должностями, он назначил на их места Камбасереса и Лебрена, в преданности и ничтожности которых не сомневался.

С молниеносной скоростью была принята очередная Конституция, полная нелепостей и анекдотических пассажей, написанная явно наспех. По слухам, законники, которые ее сочиняли, получили от генерала именно такое напутствие: «Пишите кратко и неясно». Документ поэтому и получился довольно курьезным. В нем не было ни одной цитаты из Декларации прав человека и гражданина – главного и, пожалуй, единственного завоевания революции, которое можно было бы расценить как положительное, и ни единого упоминания о каких-либо правах или свободах вообще. Бонапарт уничтожил Совет старейшин и Совет пятисот, создав вместо них аж четыре законодательных учреждения – Государственный совет, Трибунал, Законодательный корпус и Сенат. Этим он раздробил законодательную власть, превратив ее в неуклюжие отростки власти собственной, и мог совершенно не опасаться каких-либо ограничений с ее стороны. Ну, а статья 39 прямо провозглашала: «Конституция назначает первым консулом гражданина Бонапарта, двумя другими – граждан Камбасереса и Лебрена»... и это был, наверное, первый в истории права случай, когда Конституция, создаваемая, по идее, на десятилетия, для многих поколений, кого-то заведомо поименно «назначала».

Предельно четко говорилось так же о том, что первый консул «наделен особыми полномочиями», которые при необходимости могут расширяться до бесконечности. Единственной конкретной статьёй была та, в которой указывался размер жалованья консулов: для первого – полмиллиона франков в год, для двух других – треть от жалованья первого.

Когда на площадях городов зачитывали новую Конституцию, французы пожимали плечами:

— Что же она дает?

Другие, посмеиваясь, отвечали:

— Ничего не понятно, кроме того, что она дает Бонапарта.

Действительно, едва освоившись во дворце Тюильри, первый консул издал декрет о запрете чуть ли не всех парижских газет. Если раньше в столице выходило до 150 печатных листков, то теперь их осталось только десять, и все они почувствовали тяжесть цензуры. Генерал, как говорили, лично следил за тем, что могло бы быть напечатано, и предпочитал любые острые темы класть под сукно – до тех пор, пока «давность времени сделает их обсуждение уже ненужным». Свобода слова, процветавшая даже при Людовике XVI, была полностью уничтожена. Вообще складывалось впечатление, что первый консул стремится вымести из страны все остатки свободомыслия и человеческих прав, из-за непризнания которых, собственно, и вспыхнула революция. Но зачем он это делает и как распорядится достигнутой властью – этого не знал никто.

Впрочем, французы не протестовали – свободой они, похоже, пресытились надолго. Первый консул не трогал новых собственников, обогатившихся на скупке имущества эмигрантов, и восстанавливал порядок, поэтому в целом народ был вполне доволен. Журналист Бенжамен Констан, новый любовник мадам де Сталь, которому она стремилась проложить дорогу в политику, осмелился было, выступая в Трибунате, обвинить генерала в желании «обречь страну на рабство и молчание», но его голос прозвучал одиноко среди всеобщей тишины.

Никто его не поддержал. После свистоплясок, которые устраивала Директория, Консулат и вправду выглядит вполне прилично и даже внушал надежды. Бытовало мнение, что Бонапарту надо дать время, чтобы проявить себя... Ну, а если и были у генерала ярые противники, из числа бывших якобинцев или из стана роялистов, то они помнили: весной грянет война с Австрией, и очень маловероятно, что первый консул ее выиграет. Какой же смысл тратить силы и бороться с тем, кто может пасть жертвой внешних обстоятельств уже в ближайшем будущем? Если австрийский военачальник Мелас разгромит Бонапарта, участь последнего будет решена. Он может даже не возвращаться во Францию, поскольку судьба Республики окажется в руках австрийцев и англичан.

Эта предстоящая война, как это ни ужасно, лично на меня действовала успокаивающе. В связи с предстоящей кампанией все было по-прежнему очень зыбко на французском властном Олимпе... так ненадежно и изменчиво, что можно было верить даже в реставрацию монархии. Не так уж много признаков указывало на то, что Бонапарт сможет засесть в Тюильри надолго. Режимы со времен Конвента менялись так часто, откуда же сейчас взяться стабильности? Армия была в плохом состоянии, государственные финансы полностью расстроены, а народ не проникся любовью к генералу настолько, чтобы вступить за него в случае свержения.

В общем, едва я покинула разгромленную Бретань, положение роялистов стало казаться мне не таким уж и угрожающим, и я начала сдержаннее относиться к переговорам, которые ведет Кадудаль с новой властью и не так сильно переживать за их результат. Похоже, эта новая власть нуждалась в союзниках или хотя бы в передышке на внутреннем фронте. А раз так, я могла быть относительно спокойна на жизнь Александра.

— Поразительно, как меняются взгляды человека, когда он отправляется в путешествие и видит что-то новое! – задумчиво произнесла я.

— Что вы сказали, мадам? – переспросила одна из горничных.

Я осознала, что думаю вслух, и улыбнулась.

— Ничего, Ноэль, ничего. Слава Богу, мы скоро будем на месте!

Гвардеец, наконец, вернул наши паспорта, и Брике, шелкнув бичом, пустил лошадей по улицам предместья Сен-Жермен. Спустя полчаса, когда из-за домов показалась Сена, дождь чуть утих, и проезжая по мосту, я могла сквозь стекло окна наблюдать панораму Лувра и Тюильри на другом берегу. Свинцовые тучи нависали над его башнями, особенно сгущаясь над павильоном Флоры, в котором когда-то заседал зловеющий Комитет общественного спасения. Шесть лет назад, примерно в такое же весеннее время, меня вызвали туда на допрос к Сен-Жюсту. О том, что тогда случилось, я всегда запрещала себе вспоминать, потому что от подобных воспоминаний кровь стыла у меня в жилах. Вот и сейчас: едва взглянув на громаду дворцов вдоль реки, я ощутила, как сердце замерло у меня в груди и пересохла губы. «Как много ужасного связано у меня с этим городом! – подумала я, пытаюсь успокоиться. – Хорошее тоже было, но все-таки намного меньше, чем плохого. Какой прием ждет меня теперь? Изменится ли эта традиция неприятностей?..»

В Париже, по сравнению с Бретанью, весна явно запаздывала. Карета проплывала мимо сада Тюильри, вековые платаны которого только начинали покрываться нежной зеленью. Стаи ворон носились над ними. День был тусклый, серый. Я знала, что через несколько минут мне предстоит пережить не самое приятное впечатление: вот-вот мы должны были проехать мимо бывшего отеля де Ла Тремуиль на площади Карусель – блестящего дворца, преподнесенного мне отцом в собственность в день моего первого брака. Вот уже почти восемь лет им владел и в нем жил банкир Клавьер, отец Вероники и Изабеллы, лишивший своих же дочерей законного парижского наследства, и поэтому всякий раз, когда мне доводилось бывать поблизости, я чувствовала комок ненависти, подступавший к горлу.

Однако на сей раз в этом уголке Парижа происходило нечто особенное. Еще на улице Эшель я заметила вереницу экипажей, тянущуюся, кажется, прямо к моему бывшему дому, а когда мы подъехали поближе, сомневаться уже не приходилось: к Клавьеру по какой-то причине съехалось великое множество гостей. Даже навскидку я насчитала не менее полусотни карет. Поскольку время было не вечернее, нельзя было предположить, что банкир дает бал. Тогда что же это? Из экипажей выходили солидные, хорошо одетые буржуа в карриках¹ и их жены в вычурных высоких шляпках. Вид у них у всех был довольно обеспокоенный, а наряды хоть и добротные, но отнюдь не бальные.

Недоумевая, я потянула веревку, дав знак Брике остановиться. На миг у меня мелькнула мысль: может, Клавьер умер? Чем черт не шутит! Все эти депутации немного смахивали на похоронные.

— Брике, ступай погляди, что там происходит.

Этот парень был, пожалуй, единственным человеком, который знал всю подноготную моих отношений с Клавьером, поэтому мой интерес к происходящему не вызвал у него никакого удивления.

— Что, мадам, надеетесь, что банкира хоронят? – спросил он, перегнувшись с козел и лукаво прищурившись. – Славное было бы событие! Однако, думаю, причина все-таки не в этом. Молодцы такого пошиба обычно долго копят небо.

— Все может быть. Иди разузнай, что там за дела, и не болтай лишнего.

Ожидая его возвращения, я нервно теребила сумочку. Трудно было в двух словах описать, что я чувствовала. До того, жив Клавьер или нет, мне, по правде сказать, не было дела, но если бы я узнала, что он скончался, меня, наверное, посетило бы сильное чувство злорадства.

¹ Пальто из плотной ткани с многоярусной пелериной.

Злорадства из-за того, что этот мерзавец так и не узнал, до чего прекрасные родились у нас дочери. И не узнать ему этого никогда!..

Брике вернулся с презрительным выражением лица. Казалось, он готов был даже сплюнуть от пренебрежения и сдерживался лишь потому, что говорил со мной.

— Пустое дело, мадам. Банкира, оказывается, из тюрьмы выпустили, и все эти буржуа пришли высказать ему свое почтение.

— Клавьер был арестован?

— Ну да. Как говорят, в январе. Если это так, получается, он добрых два месяца провел в тюрьме Сен-Пелажи.

— А за что же его так наказали?

Мой кучер пожал плечами.

— Лакеи говорят, он не дал Бонапарту денег, которые тот требовал. Да и с господином Баррасом он был дружен, даже после переворота ездил к нему в поместье Гробуа, чтобы поддержать приятеля... Ну, а как там было в действительности, кто ж его знает. Да и нужно ли нам это знать? По мне, так лучше оставить всех этих негодяев в покое.

Я машинально кивнула, соглашаясь с ним, и дала знак ехать, но сообщение Брике навело меня на некоторые размышления. Клавьер, по всей видимости, пользовался большой поддержкой столичных буржуа, всех этих банкиров, поставщиков и торговцев, раз для них его освобождение стало таким праздником и поводом выразить ему почтение. С другой стороны, как видно, Бонапарт считал его врагом?.. Почему же его выпустили из тюрьмы? Может, выпустили, изрядно лишив богатства? Во всем этом следовало, конечно, разобраться, собрать слухи, чтобы составить цельную картину, ведь сейчас у меня было слишком мало информации для выводов. Положа руку на сердце, я могла бы сказать: если банкир сейчас в немилости, для меня было бы чистым удовольствием тоже попинать его ногами. Для жажды мести у меня были все основания. Вспомнить только, какую травлю против меня он организовал два года назад, когда умерла его бешеная Флора!

Мы прибыли на Королевскую площадь, когда дождь совсем прекратился, и солнце выглянуло из-за туч, заставив засиять стекла в окнах Павильона Короля и Павильона Королевы, оживив дома из красного кирпича с полосами из серого камня и осветив аркады. Сколько бы новая власть ни переименовывала это место, ей не перечеркнуть было его истинно королевского величия. Основанная Генрихом IV, она была местом жительства блестящих аристократов прошлого и многих знаменитостей. Здесь родилась мадам де Севинье, принимала любовников Марион Делорм, писал пьесы Корнель, да что там говорить – сам кардинал Ришелье был когда-то моим соседом, и эти факты я вспоминала всякий раз, когда проезжала под широкими арками, пронизывающими по периметру весь этот архитектурный квадрат. Площадь Вогезов? Гм, пусть теперь так, но я гордилась тем, что семейство дю Шатлэ владеет домом в таком славном месте.

Брике постучал, и на его стук спустилась сама Стефания в домашнем платье и не первой свежести высоком чепце. Вид нашей кареты на миг заставил ее замереть в проеме двери, но спустя секунду она уже поспешила мне навстречу. Я спустилась на мостовую и обняла невестку.

— Какая приятная неожиданность, Ритта! – воскликнула она. И тут же добавила: – Уверена, Ренцо с тобой?

— Ренцо?

Этот вопрос, которого я, сказать по чести, не ожидала, заставил меня смутиться. Мне пришлось признаться, что я не взяла мальчика с собой. И даже не вспомнила о нем... Стефания тут же надула губы:

— Я так долго не видела сына! Думаю, если уж ты отправилась сюда, то могла бы при отъезде вспомнить о моих чувствах!

— Стефания, клянусь, – пробормотала я извиняющимся тоном, – со мной случилось столько всего ужасного, что мне простительно было кое-что и забыть.

— Забыть! Ты забыла о моем сыне!

— Уверяю тебя, с Ренцо все в порядке. Отец Ансельм занимается с ним, не пропуская ни дня, они учат даже греческий. Через год-другой он с легкостью поступит в Политехническую школу...

Я говорила это, испытывая, конечно, некоторое смущение: все-таки нельзя было полностью снять с себя вину за забывчивость. Это была одна из тех неловких ситуаций, когда я не могла сильно корить себя за случившееся, но и оправдаться толком не было возможности. С другой стороны, эти препирательства у порога выглядели отвратительно, тем более, что за ними наблюдали мои служанки.

— Позволь мне войти. Это все-таки мой дом, и я очень устала.

— Приходил господин Симон, – выпалила Стефания, уступив мне дорогу. – По его словам, власти интересуются твоим домом!

— Интересуются?

Я уже вошла в дом и снимала перчатки, но последние слова Стефании заставили меня остановиться. Господин Симон, нынче – торговец и военный поставщик, при Старом порядке был сборщиком податей в Бретани. Покойный герцог дю Шатлэ, отец моего мужа, оказал ему в то время множество благодеяний. А в годы революции, когда собственность аристократов конфисковывалась и продавалась с молотка, господин Симон оплатил услугой за услугу: выкупил отель дю Шатлэ на свое имя и, таким образом, сохранил его для Александра. Дом и сейчас официально принадлежал Симону, но он никогда не претендовал на него и помнил, что был лишь подставным лицом при выкупе. Я вообще никогда не видела этого человека, он нас не беспокоил. И если он сейчас явился, значит, возник повод для тревоги.

— Он сказал, к нему приходили полицейские с расспросами.

— И о чем спрашивали? – осведомилась я устало.

— Каким образом отель был выкуплен у государства и часто ли бываешь тут ты... и твой муж.

Я застыла на миг перед огромным зеркалом, обдумывая услышанное. Потом, испустив вздох, отдала шляпу Адриенне, позволила Ноэль снять с себя плащ.

— Поговорим об этом позже, Стефания. И об этом, и о Ренцо – вообще обо всем. Сегодня у меня ни на что нет сил.

— Ты ослабела, будто ехала не в собственной карете, а в почтовом дилижансе!

— Ехала я в собственной карете, конечно. А еще за последний месяц я родила ребенка и пережила набег синих на поместье. Так что мои слабость и забывчивость не удивительны.

— Ты родила ребенка? Девочку или мальчика? – Стефания, следуя за мной по пятам, не скрывала изумления. Потом всплеснула руками: – Почти всякий раз, когда ты приезжаешь, я узнаю о прибавлении в вашем семестве. Благословил же тебя Господь!

— Да. На этот раз мальчиком.

— У тебя много детей. Поздравляю. Наверное, поэтому действительно немудрено, что ты забыла о каком-то там Ренцо. Он всего-навсего племянник! Сын брата, который не может похвастать богатством...

Уже не слушая ее сварливые выкрики и зная, что она в любом случае будет ворчать – эту ее черту нельзя было изменить, похоже, ничем, я без церемоний оставила Стефанию и прошла к своим комнатам, попутно приказав служанкам приготовить мне ванну, постель и еду... и не пускать в спальню никого из родственников.

Я была дома, в Париже, и это казалось мне главным. Остальное, включая визит Симона, можно было обдумать позже.

Отдыхать мне, впрочем, долго не пришлось. Прикончив после ванны прямо в постели кусочек жареной индейки и согревшись горячим красным вином, я на несколько часов и вправду уснула. За окном сгустились сумерки, шум Парижа затих, сменившись уютным потрескиванием дров в камине... и под эти убаюкивающие звуки я забылась, наслаждаясь чистотой белых покрывал и благодаря небо за то, что дорожные неприятности закончились. Утром мне предстояло разыскать Александра, но до утра была еще уйма времени для отдыха.

Однако уже посреди ночи меня осторожно разбудила Адриенна. Сонная, я подняла голову с подушки, увидела, что стрелки каминных часов указывают на цифру два, и удивленно уставилась на служанку.

— К вам пришел большой вельможа, – прошептала она. – Его зовут господин де Талейран.

Я вскинулась на постели, отбросила назад волну волос.

— Талейран здесь?

— Да, – так же шепотом подтвердила Адриенна. – Его экипаж остановился перед вашим домом еще полчаса назад. Надо сказать, мы ему далеко не сразу открыли, так что он, возможно, и сердится.

— Почему же вы не открыли ему? – спросила я, все еще мало что понимая.

— Так ведь глубокая ночь, мадам. Может, это парижские привычки? У нас в Бретани отродясь такого не бывало, чтоб визиты делались в два часа ночи.

Пока она шептала на бретонском, как все это странно и невежливо, я смогла, наконец, осознать, что у меня за дверью, в гостиной, ожидает Морис де Талейран, министр иностранных дел Республики и вообще один из влиятельнейших людей Европы. Я знала, что он играет в карты до глубокой ночи и пропадает в салонах, и это делало его визит более объяснимым, но я понимала еще и то, что ради простого любопытства он не стал бы беспокоить меня в такой час... И вообще, откуда он знает, что я в Париже? Сон как рукой сняло. Я вскочила, жестом велела Адриенне подать мне пеньюар.

— Как, мадам выйдет в таком виде?

— Неужели вы думаете, что я буду два часа причесываться? Слава Богу, я достаточно хороша, чтоб иметь возможность показываться людям без трех фунтов краски!

Впрочем, сказав это, я все же подошла к зеркалу, провела пуховкой по лицу и нанесла немного кармина на губы. Потом расправила кружева пеньюара на груди, встряхнула копной золотистых волос и спустилась в гостиную, где, опираясь на спинку кресла, меня ждал Шарль Морис де Талейран-Перигор.

2

Он стоял именно у того кресла, на котором когда-то в 1798 году сидел полицейский Лерабль, присланный Клавьером, и вспомнив ту сцену, я не сдержала улыбки. Нынешняя ситуация была противоположна той настолько же, насколько внешность самого министра была далека от облика того нанятого бедняги. Талейран нынче имел вид большого вельможи. Одетый в темно-синий, тонкого сукна, шитый серебром сюртук, белые кюлоты и чулки, с безупречной осанкой, высоко вскинутой головой, гордую посадку которой подчеркивал тугий стоячий галстук, он до того напоминал тех аристократов, которых я много лет назад встречала в королевской приемной Версаля, что у меня на какую-то секунду захватило дух.

Несмотря на поздний час, его прическа была в безукоризненном состоянии, светлые густые волосы до сих пор сохраняли ту знаменитую «плавающую» волну, которую многие пытались безуспешно копировать; голубые глаза смотрели спокойно и уверенно, слегка вздернутый нос добавлял высокомерия и без того надменному лицу, – и, созерцая все это, я внезапно поняла, почему он сумел завоевать такое влияние на Бонапарта. Рядом с ним, в тени его

громкого имени любой выскочка, конечно же, будет чувствовать себя человеком второго сорта и искать опору в его благосклонности.

Он поклонился мне очень почтительно, очень церемонно, и я ответила ему тем же, ощутив, правда, некоторое замешательство от того, что выгляжу так по-домашнему. Но когда он выпрямился, и наши взгляды встретились, я заметила, как мелькнул в его глазах огонек нескрываемого мужского интереса. Этот огонек мелькнул всего на миг, и Талейран, славившийся самообладанием, тут же погасил его, но я уловила этот знак и улыбнулась.

— Приветствую вас, Морис. Даже не спрашиваю, почему...

— Почему так поздно? Но, друг мой, вы, конечно же, знаете, что для меня это не время. Человек, который просыпается в полдень, может позволить себе визит вежливости ночью.

— Полагаю, не только эти соображения руководили вами, не так ли?

— Не только. – Тон его стал серьезен. – Я не хотел привлечь слишком много внимания к нашей встрече. Сегодня... э-э, сегодня я был у герцогини Фитц-Джемс, и ищейки Фуше² полагали, что мой вечер закончится, как всегда, за партией реверси³. Поэтому они оставили меня. Я приехал к вам абсолютно незамеченным, и ваша репутация, мадам, не пострадает.

— Благодарю. Это единственное, что меня беспокоило, – сказала я не без иронии, понимая, что, конечно же, не мое доброе имя заставляло его принимать такие меры предосторожности.

Он окинул меня внимательным взглядом, и снова огонек восхищения, уже знакомый мне, мелькнул в его глазах.

— Невероятно. Мне сказали, вы произвели на свет сына в конце февраля? Но в это невозможно поверить: вы свежи и стройны, как флорентийская роза. Или... как бретонская гортензия?

Я засмеялась:

— Какой ботанический комплимент! Я получила его благодаря скудной кухне придорожных харчевен. Пища в них так ужасна, что поневоле станешь стройной. А вам доносят о каждом моем шаге, Морис? Вы весьма осведомлены.

— Осведомлен? Увы, это слишком сильно сказано. Но когда генерал Дебелль привез в Париж вашего мужа, я не удержался от соблазна и переговорил с ним.

— С моим мужем? – вырвалось у меня.

— Нет, – сказал Талейран после паузы, и лицо его сделалось чуть холоднее. – Конечно же, я говорил с генералом Дебеллем. Он и сообщил мне о вашем новорожденном сыне.

Возникло некоторое молчание. Пытаясь совладать с чувствами, я пригласила Талейрана присесть, хотела позвонить, чтобы попросить служанку принести нам чай, но министр оставил меня, сказав, что не стоит тревожить кухарок и будить весь дом.

— Я не отказался бы от бокала вина. И если вы собственными руками нальете мне его, я буду счастлив, госпожа герцогиня.

Я поняла, что ему не нужны лишние свидетели. В старинном буфете было отличное анжуйское и бисквиты в серебряной корзинке, я подала их к столу, разлила вино по бокалам, размышляя в это время о том, добро или зло привело Талейрана нынче ко мне. Мне очень хотелось расспросить его об Александре, в частности, узнать, где он в Париже находится, – я ведь не сомневалась, что министру известно об этом, но у меня было чувство, что разговоры о герцоге вызывают у Талейрана какой-то внутренний протест. Что было его причиной? Тут я терялась в догадках. Можно было заподозрить и некоторую ревность. Морис никогда не отзывался о моем муже восторженно, напротив, всегда заявлял, что тот «не понимает, каким

² Фуше – бывший якобинец и лионский палач, министр полиции при Директории. Закрыв глаза на подготовку переворота 18 брюмера, благодаря чему сохранил свой пост в первый год Консулата. Создатель плотной шпионской сети и системы доноительства во Франции.

³ Карточная игра.

сокровищем владеет». Но в то же время было как-то странно думать, что столь хладнокровный, умный человек может поддаться такому бесплодному и в данном случае бессмысленному чувству, как ревность. Впрочем, кто их разберет, этих мужчин, с их вечным соперничеством!

Как бы там ни было, разговора о муже я не могла пропустить. Поэтому и спросила Талейрана прямо, известно ли ему что-либо о герцоге дю Шатлэ.

Внимательно глядя на меня, он пригубил вино.

— Гм, мадам, мне известно многое. Я знаю, например, что ваш супруг живет в гостинице «Нант» вместе с десятком других роялистов, среди которых и Кадудаль. И я знаю даже то, что первый консул весьма недоволен их поведением.

— Почему?

— Первая встреча в Тюильри потерпела фиаско. Бонапарт намерен еще раз пригласить их к себе. Но скажу вам честно: он не любит отказов и не забывает унижений.

— Неужели мой муж и его друзья повели себя так, что генерал расценил это как унижение?

— Видите ли, милая моя... Наш генерал – человек особенный. Признаюсь, иногда, чтобы унижить его, достаточно просто с ним не согласиться.

Мысли у меня метались. Конечно, чего-то подобного вполне можно было ожидать. Александр бывает горяч и вспыльчив, его никто не назовет хорошим переговорщиком, а Кадудаль тоже известен своей непримиримостью. Стоит благодарить Бога, что они еще живы. Завтра же я должна найти гостиницу, названную Талейраном, и увидеться с мужем. Я хотела знать о каждом его шаге... мне казалось, я могу чем-то помочь ему, от чего-то предостеречь. Да что там говорить: я просто хотела быть рядом!

Министр следил за моим лицом, потом усмехнулся:

— Бьюсь об заклад, вы думаете, как поскорее встретиться с герцогом. Вечером, когда слуги сообщили мне о вашем появлении в Париже, я даже был удивлен, узнав, что вы сразу же не бросились на его поиски.

— Я не знала, где он, – проговорила я. – Это правда. Я надеялась узнать это от вас.

— Рад, что сообщил вам нужные сведения. Но цель моего визита была... э-э, несколько иная.

Взволнованная, я даже не услышала его. Поднявшись, я немного прошлась по гостиной, тербя поясok домашнего платья. Потом порывисто обернулась:

— Морис, вы сказали, что первая встреча была неудачна. Значит, будет вторая?

— Да. Первый консул настойчив и не теряет надежды переубедить роялистов. Увы, я подозреваю, что у роялистов надежда точно такая же...

— Когда же эта вторая встреча состоится?

— Трудно сказать. Думаю, в начале апреля. Однако прежде, чем эта она будет назначена, произойдет еще одно событие, на котором я хотел бы, чтоб вы присутствовали.

Ко мне, наконец, вернулась способность слушать, и я поняла, что мы дошли до темы, которая должна объяснить причину визита министра. Я заняла свое место напротив Талейрана, показывая, что готова ему внимать. Он снова улыбнулся, поставив бокал на стол. Потом галантно протянул мне бисквит:

— Наконец-то вы меня услышали. Съешьте-ка это, моя милая. Вы красивы, но чересчур худы, а я хочу, чтобы на балу вы были прелестнее всех. Кроме того, печенье помешает вам слишком мне возражать.

Честно говоря, бисквит чуть не выпал у меня из рук – до того я была изумлена.

— На балу? Вы даете бал?

— О, еще какой. У меня в Нейи будет весь свет. Я даю бал в честь первого консула. Согласитесь, это будет важное событие.

— Боже мой, – пробормотала я и удивленно, и разочарованно. – Боже мой, Морис... Нет ничего такого, от чего я была бы более далека сейчас, чем от балов!

Он кивнул. И приложил палец к губам, будто приказывая мне молчать.

— Мне нужна лишь пара минут вашего внимания. Ешьте и забудьте о возражениях. Вы же не станете утверждать, что к вам приехал нынче глупый человек? Так что молчите, доверяйте и слушайте. Я... э-э, я не так молод, чтобы делать бесполезные визиты ночью.

Я все-таки силилась что-то произнести, но Талейран сделал совсем уж повелительный жест, и властным тоном напомнил мне о том вечере, когда я поджидала его на улице Варенн, у министерства иностранных дел. Тогда, оборванная и несчастная, я бросилась к его карете, пытаюсь найти у него спасение от Клавыера.

— Помните тот миг? Ничего не забыли? Извольте верить мне так же, как тогда. Или – я уеду.

Тон его был повелителен, да и услуга, которую он мне тогда оказал, заслуживала огромной благодарности. В сущности, ни тогда, ни сейчас я до конца не понимала, по какой причине он был так добр ко мне. Я нравилась ему и нравлюсь? Несомненно. Но наверняка было еще что-то. Сам Талейран называл это «что-то» дружбой, и я убедилась уже, что он умеет дружить. Однако картина оставалась все равно неполной, не хватало какого-то кирпичика для абсолютной ясности, и я сдалась, решив во всем ему подчиниться, как тогда, весной 1798 года.

Он начал издали, будто для того, чтобы я полностью поняла логику его действий. По его словам, переворот 18 брюмера был самым желанным и самым выстраданным событием в истории Франции за последние десять лет. Он положил конец полигархии – власти мошенников и плутов, долгое время объединявшихся под крышей так называемых законодательных органов вроде Конвента или Совета пятисот. Прославляя свободу, равенство и братство, они на деле ввергали страну в войну, беспорядок и бесконечные ужасы. Устранить этот кошмар было не так-то легко, хоть со стороны, возможно, трудность и не была очень заметна. Да, Бонапарт опрокинул Директорию за два дня, но депутаты в обоих Советах изрядно попортили ему кровь и своим сопротивлением едва не повернули дело вспять.

— Я слышала об этом, – проронила я негромко. – Вашего генерала едва не растерзали в Совете пятисот, он чуть не потерял сознание там...

Мне вспомнились карикатуры на тот день, которые издавал граф де Фротте, изображая корсиканца обессилевшим, повисшим на руках своих гренадеров. Бедняга Фротте, как он поплатился за свое остроумие! Но я не стала говорить этого вслух.

Талейран скользнул по мне внимательным взглядом:

— Раз вы слышали об этом, мадам, то... То как вы думаете, что ждало бы любого, кто тогда прямо в зале, в окружении бешеных республиканцев, посмел бы объявить, что Франции нужна монархия? Сколько прожил бы этот смельчак, по-вашему?

— Монархия? – переспросила я, не веря своим ушам. – От вас ли я слышу это, гражданин министр Республики?

Он усмехнулся уголками губ.

— А вы сомневаетесь, что я за монархию? Моя мать до сих пор живет в Гамбурге, ненавидя Республику, мой дядя архиепископ Реймский состоит при особе Людовика XVIII в Митаве... Что же тут удивительного? Род Перигоров возвысился при королях и благодаря королям. Хотя, как говаривал Людовик XVI, Бурбонам по сравнению с Перигорами просто больше повезло⁴.

Как ни ошеломительно было это признание в монархизме, я могла бы сказать, что подзревала в Талейране нечто эдакое. Уж кому, как не человеку с его именем, быть сторонником короля? Кроме того, я знала, что Морис любит Францию и далеко не прочь служить ее про-

⁴ В раннем средневековье, накануне возвышения Капетингов, род Перигоров ничем не уступал последним.

цветанию. Даже менее острый, чем у него, ум давно смекнул бы, что Республика вела страну куда угодно, только не в сторону благоденствия. Несложно было сделать вывод, что Францию может спасти лишь монарх.

— Конечно, — сказала я, — заявить о восстановлении трона вслух было бы опасно. Это значит... что вы занимаетесь этим... тайно?

Министр поднялся, прихрамывая, прошелся по гостиной. Потом довольно резко повернулся ко мне:

— Вы сделали верный вывод, мадам. Однако обратите внимание: я говорю о восстановлении монархии, а не о восстановлении трона.

Видя, что я окончательно сбита с толку, он принялся растолковывать мне свою доктрину. Франция нуждается в оздоровлении, которое невозможно без твердой руки, иначе говоря — монархии. Монархия эта может быть избирательной на срок, избирательной пожизненной или наследственной.

— Но как же можно достичь этой третьей формы? Я много думал об этом, мадам, и понял, что без прохождения двух других — совершенно невозможно.

— Почему, Морис? Есть на свете Людовик XVIII...

Он прервал меня:

— Этот человек может получить трон только в одном случае: если придет во Францию во главе чужестранных сил. Я этого не хочу. Да это и невозможно... Силой ничего не достичь, вы же видите это на примере той бесплодной войны, которую ведет ваш супруг. Если бы был жив несчастный брат Людовика XVIII, — да, тогда все было бы иначе. Но убийство этого государя поставило крест на подобных надеждах.

— Так это значит, — проговорила я растерянно, — что крест поставлен и вообще на Бурбонах. О чем же говорить?

— Полноте! Разве мир так узок? Надо забыть о Бурбонах на время. Не говорить об этой династии. В конце концов, Франция дороже всего этого. Восстановить монархию можно и без них.

Чтобы смягчить эффект от своих слов, показавшихся мне одновременно и трезвыми, и жестокими, он добавил:

— Время Бурбонов еще может наступить, Сюзанна. Позже. Много позже. При одном условии...

— Каком?

— При условии, что человек, занявший трон нынче, окажется недостойным... и утратит его.

Я не сдержала разочарованной усмешки.

— Ну, теперь мне все ясно, Морис. И я даже не сомневаюсь, какого человека вы выдвигаете в новоявленные короли. Неужто Бонапарт кажется вам до такой степени способным?

Талейран серьезно смотрел на меня:

— Признаюсь, мадам, у него есть все, чтобы быть монархом. Никто не обладает нужными качествами в такой степени, как он. Но не думайте, что только желание снова быть вельможей при чьем-либо дворе внушает мне подобные мысли. Бонапарт — тот человек, который может снова приучить Францию к монархической дисциплине. А будущее покажет, кому быть королем.

Он говорил веско и обоснованно. Впрочем, мне было что ему возразить: роялисты хорошо знали, что генерал Бонапарт довольно вероломен и излишне тщеславен, причем это было доказано его поступками. Однако я поймала себя на том, что мне хочется верить Талейрану. Его принципы открывали нам всем широкую дорогу к нормальной жизни, той, которой аристократы были лишены в течение долгих лет. Если служить Бонапарту, имея в виду poste-

пенное восстановление трона Бурбонов, то служба эта будет выглядеть не такой уж бесчестной и бессмысленной.

Меня поразило внезапное сравнение: Анна Элоиза в Белых Липах, по сути, говорила то же самое. Я тихо засмеялась:

— Морис, вы рассуждаете, как моя старая-престарая тетушка-роялистка. Она тоже убеждала меня, что служить генералу не грешно, если имеешь в виду короля. Но... не слишком ли мы будем самонадеянны, полагая, что обхитрили всех? Что, если Бонапарт повернет совсем не туда, а мы...

— ...а мы, недовольные им, будем только сжимать кулаки в карманах?

Талейран закончил за меня мою мысль. Потом покачал головой:

— Это, милая моя, зависит от нас всех. Вот почему мне нужны вы.

— Я?

— Если аристократов вокруг Бонапарта будет много, мы сможем лучше влиять на него. Не можем же мы вручить судьбу Франции Фуше и якобинцам, которые увиваются вокруг первого консула?

Он снова, наконец, сел напротив меня, отведал вина, сильными белыми пальцами раскрошил пару бисквитов. Беседа не прерывалась. Талейран рассказал, что министр полиции Фуше покрыл всю Францию шпионской сетью. За спиной у этого изувера, голосовавшего в Конвенте за казнь короля, группируются все революционеры, пролившие реки невинной крови, – все те, которые до смерти боятся возвращения Бурбонов, потому что это будет означать неминуемые суд и жестокую расплату за былые преступления. Якобинцы дрожат за свою жизнь и богатства. Сейчас, когда Франция на распутье, эти убийцы особенно волнуются и пытаются влиять на Бонапарта. К счастью, первый консул своими глазами видел кошмары 10 августа, сочувствовал тогда Людовику XVI и его семье и нынче испытывает к якобинцам только презрение.

— На наше счастье, он чувствует пиетет перед аристократами. Конде, Орлеаны, Мортемары – это очень громко для него звучит! Поверите ли, Сюзанна... В день нашей первой встречи, почти три года назад, он первым делом спросил меня, мой ли это дядя архиепископ состоит при Людовике XVIII. Я обратил тогда внимание: он сказал «при Людовике XVIII», а не при «графе Лилльском»⁵. – Глаза министра смеялись. – Так что он не безнадёжен, этот наш корсиканец.

— И вы хотите окружить его кольцом из аристократов? О, теперь мне прекрасно ясно, для чего нужен бал и я на нем.

Честно говоря, я не знала, что ответить на его приглашение. Для отказа Талейрану вроде бы не было никакой уважительной причины. Во-первых, я многим была ему обязана. Во-вторых, я и по-человечески не хотела разрушать его планы, хотя они и казались мне несколько иллюзорными. Или своекорыстными? Ведь нетрудно было видеть, что в воображаемой им «монархии» не только Франции будет хорошо, но и он, министр иностранных дел, останется влиятельной фигурой. Чувствовалось, что он имеет влияние на Бонапарта и намерен воспользоваться этим в полной мере. Но при всем моем желании подыграть Морису, как я могла бы объяснить свое появление на подобном балу? Мой муж находился в Париже как враг этой власти, пока еще непримиримый враг. А я – буду в это время танцевать в Нейи? Говорить любезности первому консулу?

Я открыла рот, чтобы сослаться на полное отсутствие у меня какого-либо гардероба, денег и драгоценностей. Это обстоятельство было чисто женской природы и, сославшись на него как на предлог, я могла бы сделать свой отказ извинительным. Но Талейран, откинувшись на спинку стула, сказал, прежде чем я успела что-либо произнести:

⁵ Под этим титулом Людовик XVIII жил в изгнании.

— Мой друг, не стоит так паниковать. Щекотливость ситуации мне ясна без ваших слов. Но не смягчается ли она тем, что вы будете в Нейи не одна?

— Не одна? – Я попыталась было пошутить: – Разумеется, меньше полутысячи народу вы обычно не приглашаете, мне это известно.

— О, намекаете на прошлый большой бал в особняке Галифе? – Он улыбнулся. – Вы сами видели, мне тогда пришлось нелегко. Чего стоило сделать прием изысканным! Эти супруги директоров с их чрезмерной, мягко говоря, простотой, особенно – мадам Мерлен, бывшая белошвейка... Она бегала за мной по всем комнатам, допытываясь, сколько я потратил на банкет. Это только кажется, что справиться с их манерами было легко.

Он испустил притворный вздох.

— Слава Богу, те времена далеко позади. Нынче мои празднества посещают герцог де Люинь, герцогиня де Флери, принцесса де Водемон... В Париж перебрался герцог де Лианкур, граф де Шуазель, герцогиня де Лаваль. Монморанси, Мортемары – все мои бывшие приятели в Париже. Маркиз де Куаньи недавно порадовал своим приездом, а он, если вы помните, был другом покойного короля.

— Монморанси? Мортемары? – повторила я поражено. – Они вернулись?

Талейран устало прикрыл глаза веками. Час был поздний, и это начинало сказываться даже на нем, полуночнике.

— Уверяю вас, мадам. Даже господин де Шатобриан⁶ – и тот будет моим гостем.

— Шатобриан?! – вскричала я, не скрывая изумления. – Морис, вот насчет этого человека вы наверняка приувеличиваете. Я видела его и его брата на роялистских советах в Бретани!

Он остался невозмутим, лишь слегка приподнял брови.

— Что же тут невероятного, душа моя? Разве вы... и даже ваш муж – не в Париже? Почему бы Шатобриану не быть здесь? Разве он хуже вас понимает, куда дует ветер, и кто сейчас заказывает музыку во Франции? Она, эта музыка, теперь вполне приемлема, никого не позорит и никому не режет слух.

Честно говоря, от услышанного у меня голова шла кругом. Приходилось признать, что там, в Бретани, я очень плохо понимала, куда движется Франция, и не успевала как следует прочувствовать изменения. А они были более чем значительны, если их уловили даже эмигранты, много лет скитавшиеся на чужбине. В изгнании им было несладко, но, даже придавленные бедностью, они не вернулись бы, если бы не чувствовали, что приход Бонапарта знаменует начало новой эпохи, в создании которой стоит поучаствовать.

Талейран, чувствуя, что меня обуревают сомнения, – возможно, даже более глубокие, чем я сама ожидала, – вкрадчиво добавил:

— Если бы вы, мадам, сумели ненавязчиво донести то, что я здесь сказал, до сведения вашего мужа, это было бы благом для всех нас. Он и его друзья сейчас упорствуют. Но стоит ли игра свеч? Не нужно доводить упорство до глупости. Героя, как бы велик он ни был, украшает не только храбрость, но и здравый смысл.

В свете того, что мне нынче довелось узнать, я склонна была думать, что Талейран прав. Если во Францию вернулись столь знаменитые фамилии, для семейства дю Шатлэ так же не будет позором остаться здесь и примириться с существующей властью. Если уж на то пошло, вовсе не обязательно даже служить Бонапарту. Можно жить обычной жизнью частных лиц, растить детей и... надеяться на то, что план Талейрана о постепенном восстановлении Бурбонов на троне понемногу, исподволь, осуществится. Почему бы нет? Я видела в своей жизни столько всего удивительного и неожиданного, что такой поворот событий совсем не казался фантастическим.

⁶ Шатобриан – известный писатель-романтик, роялист по убеждениям, родом из Бретани.

— Я вижу, вы загорелись моими идеями, – не без удовольствия произнес Талейран поднимаясь. – Bravo, мадам. Я вознагражден за свои ночные усилия.

— О, не стоит спешить с выводами, – попыталась возразить я. – Я всего лишь женщина, Морис, и не мне принимать решения. Я сейчас могу обещать только то, что появлюсь на вашем приеме в Нейи. Однако...

— Однако? – Он улыбнулся. – Нет-нет, не договаривайте. Я снова закончу за вас. Клянусь, Сюзанна: вы хотели заговорить о платье.

Меня в который раз поразила его пронизательность.

— Вы догадливы, господин министр. Подобный дар в мужчине вызывает восхищение!

— Ну, моя слава дамского угодника бежит впереди меня. Она преувеличена, разумеется... э-э, но я вполне понимаю, что вы уехали из Бретани без всякого гардероба.

Изящным жестом он достал из кармана сюртука и вручил мне визитную карточку какого-то магазина.

— Завтра же, сразу после того, как увидите с мужем, обратитесь по этому адресу. И ни о чем не беспокойтесь. Там исполнят любой ваш каприз.

Чуть наклонившись ко мне, так, что я почувствовала запах гвоздики, исходящий от его светлых волос, Талейран уже тише добавил:

— У меня большие амбиции относительно вас, друг мой. Что эти Мортемары и Монморанси? Королевой бала должны быть именно вы, я умоляю вас позаботиться об этом.

Мне не удалось сдержать улыбки:

— Почему же именно я?

— Почему? Sancta simplicitas⁷! Вы – последняя статс-дама Марии Антуанетты. Близкая ее подруга. Воплощение памяти о государыне... Вы – самый драгоценный камень в скромной пока оправе моего плана, и именно благодаря вам он может засиять так, как я это представляю.

Он поцеловал мне руку. Мы расстались, договорившись ежедневно информировать друг друга записками о том, как продвигаются наши общие дела. Я чувствовала, что Талейран вовлекает меня в свои сети раньше, чем я переговорила с мужем, и это выглядело как-то неправильно, но, с другой стороны, действия министра казались мне разумными. Кроме того, час был такой поздний, и мне так хотелось спать, что я решила любые раздумья отложить до утра.

Отправляясь к себе, я бросила мимолетный взгляд на визитную карточку, оставленную мне Талейраном. Изящные золотые буквы на ней гласили: «Роза Бертен, улица Сент-Оноре, магазин дамского платья «Гран-Могол».

Это было имя знаменитой модистки Марии Антуанетты, у которой и я в юности много раз заказывала наряды. Не веря своим глазам, я некоторое время смотрела на карточку. Роза Бертен! Это имя звучало как привет из далекого и сладостного прошлого. И так, она жива? И она – тоже в Париже? Сколько было слухов о том, что бедную женщину казнили на гильотине!

В том, что Талейран совсем не случайно оставил мне адрес легендарной портнихи, обшивавшей версальских дам, я не сомневалась... Этот соблазн встретиться с приятным прошлым был так велик, что противиться ему я не смогла бы при всем желании, и Морис наверняка предвидел это. Это была часть его плана, и я пока что следовала ему, завороченная намеками и обещаниями лучшей жизни, которые министр весьма щедро рассыпал.

Да и кто смог бы противиться? Впервые за много лет революции передо мной приоткрывался занавес светских удовольствий, веселья и беззаботности. Мне не исполнилось еще и тридцати лет, я была красива и полна сил – словом, я хотела бросить на эту веселую жизнь хоть один мимолетный взгляд. Возможно, это желание делало меня легкомысленной, но я готова была позволить себе эту маленькую женскую слабость. Всего разочек, чуть-чуть... такая

⁷ Святая простота! (лат.)

малость легкомыслия с моей стороны никому, даже Александру, не причинит никакого вреда. По крайней мере, так мне казалось в ту ночь.

3

Постоялый двор «Нант» располагался в закоулках Пале Рояля, в довольно злачной части этого торгового уголка столицы. Вход в гостиницу был зажат между двумя мясными лавками, на такой узкой улочке, что сюда не заезжали никакие повозки – разве что тележки зеленщиков. Оставив экипаж неподалеку, мы с Брике пешком добрались до двери, минуя бесконечные ряды арльских колбас и овернских паштетов, обдававших нас головокружительными запахами. Брике почтительно пропустил меня вперед, провел до лестницы, по пути рассказывая о том, что ему удалось выведать во время визита в «Нант» на рассвете.

— Это здесь, ваше сиятельство. Второй этаж, пятая комната слева. Утром я видел там Гариба, он чистил сюртук герцога... так что мне даже расспрашивать не пришлось, где ваш супруг живет, все и без расспросов выяснилось.

Разумеется, Гариба невозможно было с кем-то спутать. Я сказала Брике, чтобы тот ожидал меня внизу, и с сильно бьющимся сердцем почти взлетела по лестнице. Интуиция подсказывала мне, что я застаю мужа на месте. Разве была у роялистов возможность свободно разгуливать по Парижу сейчас, когда переговоры с первым консулом не закончены? Окруженные сонмом полицейских соглядатаев, они наверняка коротают дни за преферансом и страшно слушают, потому что никуда не выходят. Так что я наверняка найду Александра дома... Предвкусная встреча, я была сама не своя от волнения. Мы не виделись почти три недели. Три недели, в течение которых каждый день мог закончиться для него расстрелом!..

— Госпожа?!

Индус в белом тюрбане вынырнул из противоположного конца гостиничного коридора так неожиданно, что я почти столкнулась с ним и чуть не выбила у него из рук поднос, уставленный бутылками с вином. «Как видно, – мелькнуло у меня в голове, – предполагаемый преферанс щедро сбрызгивается бургундским!» Вслух я сказала:

— Да, это я, Гариб. Не стоит удивляться до такой степени! Я приехала повидаться с супругом.

В полумраке коридора лицо Гариба казалось темным, как эбеновое дерево. Он совладал с первоначальным удивлением и, поклонившись, пробормотал, что хозяин совсем не ждал меня в Париже.

— Разумеется, я не предупреждала заранее о своем визите. Но между мужем и женой во Франции это и не является обязательным условием... Ну-ка, проводи меня к герцогу.

— Герцог спит, госпожа, – выговорил индус, меняясь в лице.

— Спит? – Честно говоря, я никак не ожидала такого сообщения. – В полдень?

— У хозяина сильно болела голова, как иногда бывает. Он выпил вина и уснул.

Что-то в тоне индуса заставило меня насторожиться. Я бросила взгляд на бутылки на подносе:

— Куда ты несешь все это?

— Друзья хозяина, благородные господа, приказали доставить.

— Ну, так доставь. А потом мигом проводи меня к мужу.

Мой тон был так повелителен, что индус и не помыслил больше препираться. Поклонившись еще раз, он метнулся к одной из дверей и скрылся за ней. Бутылки позванивали в такт его движениям. Как ни быстры были его маневры, я успела бросить взгляд за дверь, распахнувшуюся перед ним на пару секунд, и мне показалось, что в клубах сигаретного дыма я различила массивную фигуру Кадудая у окна. Ид де Невиль тоже был там. А еще – граф де Бурмон, мой прошлогодний воздыхатель, развалившийся на неубранной постели в довольно-таки небрежной позе. Вся эта картина, по правде говоря, вызывала уныние. Мне показалось, я заглянула к узникам в камеру, и от увиденного сердце у меня сжалось.

Гариб, одергивая сюртук, вернулся, сделал почтительный жест рукой:

— Пойдемте, госпожа. Комната хозяина с другой стороны.

Минуту спустя я уже стояла посреди гостиничного номера – небольшого, но хорошо убранного, видимо, сказывались заботы индийского камердинера. Обстановка здесь состояла из платяного шкафа, стола и импровизированного умывального столика, устроенного в углу посредством какой-то хромоногой подставки и медного таза. Стол был чист, тарелки аккуратно сложены, чернильный прибор в безукоризненном порядке. Альков был задернут клетчатой домотканой занавеской. Отдернув ее, я увидела спящего Александра... и спустя миг почти отшатнулась: такой терпкий стоял здесь винный дух.

Растерянная, я обернулась к индусу:

— Боже правый... да ведь герцог был пьян?

Стоило добавить «мертвецки пьян», но я не могла выговорить таких слов перед прислугой. Индус, пряча глаза, в который уже раз поклонился, словно хотел за этой почтительностью скрыть смущение:

— С вашего позволения, госпожа, я буду внизу. Хозяин скоро проснется, вы сможете поговорить.

Не разглашая подробностей, он прикрыл за собой дверь. Недоумевая, я вернулась к мужу. Как ни мал был мой опыт общения с пьяными мужчинами, я легко могла понять, что такой беспробудный сон в сочетании с ввевшимися в одежду винными запахами указывают на то, что мой супруг порядком прикладывался к бутылке – причем, наверное, в течение не одного дня. Может, пил все то время, что был в Париже, – иначе говоря, спивался... Сердце у меня пропустило один удар. Подобрав юбки, я села рядом с мужем, взяла его руку, сжала в своих ладонях.

«Мой милый... Господи, как же тяжело тебе, наверное, было!»

Мне не особо нужны были теперь подробности встреч роялистов с Бонапартом. И без объяснений было ясно, что роялисты не добились своего, что первый консул поставил их перед выбором, которого они наверняка не хотели делать: служба Республике или эмиграция. То-то так невесело выглядела комната Кадудалья... Когда прошла первая волна сострадания, я подумала: может быть, сведения, принесенные мне Талейраном, переубедят Александра? Или хотя бы смягчат для него тяжесть выбора? Ведь уехать навсегда в Англию – это слишком тяжелое решение для француза, можно сказать, невыносимое. Понятно, когда такое решение принималось во время террора, но сейчас... когда столько благоприятных возможностей открывается для нас во Франции – зачем примерять на себя судьбу изгнанника?

Александр был бледен, в темных волосах у висков серебрилась седина. Я смочила платок, отжала его, осторожно протерла мужу лицо, наклонившись, поцеловала. Он не проснулся, но какое-то подобие улыбки мелькнуло у него на губах. Вздохнув, я решила не тревожить его, не приводить в чувство насильно. В конце концов, я тоже почти не спала прошлой ночью. Сбросив с постели пару лишних подушек, я скинула туфли, распустила ленты шляпки и устроилась у Александра на плече. Некоторое время я просто лежала, уставившись глазами в потолок и горестно размышляя, а потом сама не заметила, как задремала.

— Святая пятница! Я еще сплю? Или брежу?!

Этот возглас привел меня в чувство. Раскрыв глаза, я увидела над собой лицо Александра. Сам голос был громче, чем я ожидала услышать, а на лице при всем желании нельзя было прочесть никакой дружелюбной эмоции, разве что крайнее удивление. И, сказать прямо, неприятное удивление. Он был не рад, что видит меня!

— Что здесь происходит?

Я не спеша спустила ноги на пол, чувствуя, как затекло тело от неудобной позы и как сильно корсет сдавил грудь.

— По правде говоря, – сказала я ошеломленно, – я ожидала другого приема. Особенно после того, в каком виде вас застала...

— Черт возьми, Сюзанна, вы...

Казалось, чуть ли не ругательство готово сорваться у него с языка. Однако, столкнувшись с моим взглядом, он осекся, подавил порыв грубости. Так и не продолжив фразы, Александр отошел в угол, к умывальному столику. Я не глядела в его сторону, слышала только, как он рывком опрокинул воду из кувшина себе на голову, ополоснул лицо и волосы, потом тщательно растерся полотенцем. Видимо, он хотел одновременно и прийти в себя, и преодолеть гнев. Однако откуда этот гнев взялся? Понятно, что я приехала к нему без предупреждения и увидела неприглядную картину. Но, с другой стороны, пьянство – не такой уж ужасный грех. Я же не с девушками легкого поведения его застигла!

Перекинув полотенце через шею, он подошел ко мне, протянул руку.

— Присаживайтесь. По всей видимости, госпожа герцогиня, нам надо поговорить.

Мы уселись за стол друг против друга. Я попросила воды, и он мне подал ее в стакане. Пока я маленькими глотками пила, Александр не спускал с меня довольно-таки неодобрительного взгляда. Мне уже становилось ясно, что своим приездом я, по-видимому, перешла некую черту, вторглась на территорию, где меня вовсе не ждали. И это ощущение было так противоположно моим собственным ожиданиям, что я в тот момент даже не знала, что сказать.

— Сюзанна, что происходит? – спросил он холодно.

Это было, по-видимому, начало разговора. Я пожала плечами.

— Я приехала в Париж, Александр. Это преступление?

— Черт возьми, я прекрасно вижу, что вы приехали в Париж. Однако зачем? Задавали вы себе этот вопрос?

— Я хотела помочь вам. – Сказав это, я сейчас сама ощутила, насколько маловесом в его глазах эта причина. – Боялась за вас.

— А в этой боязни было место благородию? Или только женская взбалмошность?

Поднявшись, он снова чертыхнулся и напомнил мне, что, когда конвой синих увозил его из Белых Лип, мы договорились о двух вещах: я буду ждать его в поместье... до тех пор, пока он не вернется. И если, паче чаяния, он-таки не вернется, то есть будет заключен в тюрьму или казнен, я вместе с детьми должна буду уехать в Англию, где все готово для нашей мирной жизни.

— Как в этот план вписывается ваш приезд в Париж? – негромко, но жестко спросил он. – Вы оставили в Белых Липах нашего сына, которому и месяца не исполнилось. Потому я и спрашиваю: что происходит, Сюзанна? Кажется, вы живете своим умом, не прислушиваясь ко мне?

Не отвечая, я катала пальцами хлебную крошку, оставшуюся на скатерти. Все это мне чрезвычайно не нравилось. У него была такая черта – иногда указывать мне мое место. Впервые он намекнул мне на мою скромную женскую роль пару лет назад, когда я пыталась отговорить его выполнять новое поручение Кадудая, касающееся ограбления дилижансов и казавшееся ужасным даже ему самому. Тогда между нами вышла ссора. Которую, кстати, тоже подогрело вино... Не знаю, может быть, я действительно порой была слишком активна и этим не соответствовала образу послушной жены. Возможно, к этому меня приучила жизнь, которую я вела до Александра и в которой полагалась, по сути, только на себя.

В общем, я могла себе представить, что мужчину, привыкшего всем управлять и командовать, такое вполне может напрягать. Поэтому я подняла глаза и попыталась улыбнуться, решив смягчить ситуацию:

— Александр, все это очень похоже на допрос. Но откуда такая враждебность, господин герцог? Чем вам могут помешать мое присутствие и мои советы?

— Ваши советы? О Господи! Вы думаете, сударыня, я еще не сыт по горло вашим сумасбродством?!

Загибая пальцы, он почти яростно перечислил мне все случаи, когда я поступала абсолютно вразрез с его желаниями и – более того – даже вразрез с нашими обоюдными договоренностями. Постоянные поездки в Париж два года назад, которые стали причиной наших раздоров, – разве не Сюзанна дю Шатлэ их предпринимала, не посоветовавшись с ним? А недавнее осеннее бегство в Сент-Элуа, в результате которого под арест попала почти вся семья? Разве не ему пришлось рисковать жизнями шуанов, чтобы отбить у синих жену и детей?

Слушая его, я и сама вспыхнула.

— В Париж я тогда ездила, чтобы добиться для вас амнистии, сударь!

Его глаза сверкнули, как синие кремни, казалось, из них готовы полыхнуть искры. В бешенстве он громыхнул стулом:

— Проклятье! Ваша амнистия закончилась землетрясением для нашего брака, после которого мы едва выстояли!..

В этом его возгласе было столько яда и ярости, что я очень ясно почувствовала: это – намек на Клавьера и на мои тогдашние прегрешения в столице. Да-да, именно так! Разве что имя банкира произнесено вслух не было, но смысл был абсолютно ясен... Все-таки этот человек постоянно будоражил ум моего мужа, как я ни старалась убедить Александра в том, что тот ничего для меня не значит. Выходит, муж потерял ко мне доверие, считает чуть ли не потаскушкой?!

Щеки у меня запылали:

— Вы на что намекаете, герцог? На то, что я, едва оправившись от родов, ищу в Париже любовных приключений?!

— Черт побери, сударыня! Вы так явно показываете свое недоверие к моей способности уладить мои собственные дела в столице, что я могу предполагать все, что угодно!

— Речь не идет только о ваших делах, сударь! – возразила я запальчиво. – Вы решаете здесь судьбу нашей семьи!

— И что же? Вы прибыли, чтобы быть наставницей нерадивого супруга?!

Давно я не видела его в таком гневе. Он весь был как натянутая струна, у сжатого рта залегли две белые черточки. В чем-то он был прав. Где-то в глубине души я действительно не хотела, чтобы переговоры о нашем будущем проходили без меня. Конечно, я доверяла ему, но как-то не хватало мне того полного женского смирения, которое вручает мужу абсолютно все бразды правления. И потом, мне страстно не хотелось уезжать из Франции... Возможно, когда я рвалась в Париж, это нежелание тоже играло свою роль.

— Судя по вашему тону, – сказала я, пытаюсь сохранять спокойствие, – ваши дела идут не лучшим образом.

— Вы забыли напомнить о моем пьянстве, – отрезал он гневно. – Без этого арсенал женских придирок будет неполон, уверяю вас.

Мне казалось, я не должна поддаваться обиде. Что угодно, только не новая ссора! Сердце у меня разрывалось от противоположных чувств. Кроме обиды, душу мне захлестывало и сочувствие: он, победительный воин, завоеватель стольких женских сердец, представал нынче действительно не в самом лучше виде выпивающего побежденного... А ведь я помнила, что обязана этому мужчине счастьем и жизнью. Могла ли я не сочувствовать ему в этом жизненном переплете? Да, могла и сочувствовала... но одновременно и задавалась вопросом: почему он пренебрегает моими состраданием, помощью и советами? Как часто говаривал Талейран, не использовать способности женщины – это значит не использовать половину сил государства.

Я шагнула к нему, попыталась взять за руку.

— Александр... я же люблю вас, и вы знаете это.

— Сюзанна, – ответил он негромко и холодно, – все это лестно, но для такого признания вовсе не было необходимости ехать так далеко. Любовными признаниями мы прекрасно обменивались и в Бретани.

— А если я не могла? – воскликнула я. – Не могла терпеть? Если я сходила с ума от беспокойства... и так хотела узнать, что с вами?

Александр тряхнул головой, будто желал прогнать остатки гнева. Он не отнимал руки, но взгляд его не становился теплым.

— Испытывая беспокойство, сударыня, вы должны были сказать себе всего несколько слов: «Я доверяю своему мужу». А еще – глубоко вздохнуть, чтобы успокоить нервы окончательно... Этого было бы достаточно.

— Достаточно? Для чего? Или кого?

— Достаточно для того, чтобы не идти на поводу у страхов и не оскорблять меня недоверием.

Против воли я ощутила, как во мне тоже закипает гнев. Я поняла уже, что он демонстративно не будет рассказывать мне ничего о том, как обстоят роаялистские дела в Париже, – именно для того, чтоб не дать мне возможности советовать. Но я не готова была повиноваться его выбору вслепую, без разговоров! В конце концов, Талейран потратил два битых часа, чтоб разъяснить мне свои намерения. А собственный муж и говорить не желает?!

— Ну уж извините, господин герцог! – возмутилась я, уже не скрывая своих чувств. – Извините, что я не тряпичная кукла, которую можно забросить куда угодно, хоть в Бретань, хоть в Англию, ни о чем не спрашивая!

У меня на миг перехватило дыхание. Задыхаясь, я выговорила:

— Знаете, я отныне не согласна... ни на ссылку в Бретани, ни на слепое бегство в Англию. Я хочу знать, что происходит, и понимать, куда меня ведут!

Взгляд его потемнел, глаза стали почти черными. Я знала, что это признак нешуточной угрозы. Однажды, когда глаза его были такими, он ударил меня, можно сказать, избил... Вот и сейчас, он аккуратно перехватил мои руки, сжал их стальными пальцами у запястий – не больно, но ощутимо, так, чтобы я поняла, насколько он сильнее.

— У вас истерика, герцогиня.

— У меня?!

Не отпуская моих рук, он выговорил тихим жестким голосом:

— Как у моей жены, у вас есть сейчас только один путь: вернуться в Бретань и ждать там известий от меня. Вы знаете, что я все решу в интересах своей семьи. Я вам достаточно в этом клялся. Если же...

Мы смотрели друг на друга глаза в глаза, почти как враги. Не сводя с меня пристального взгляда, Александр внушительно продолжил:

— Если вы будете искать какой-либо другой путь, вы положите конец нашему браку, госпожа дю Шатлэ. Это будет финал.

Помолчав, он веско, почти по слогам добавил:

— Вы поняли, мадам? Фи-нал.

Я в ярости вырвала свои руки и отпрянула от него.

— Черт бы вас побрал, Александр! Меньше всего, отправляясь в Париж, я ожидала услышать такие угрозы!

— Это говорит только о том, что вы плохо знаете своего мужа.

Пока я приходила в себя, пытаюсь осмыслить услышанное, и понять, что же именно его так взвинчивает (мое своеволие, собственное самолюбие, уязвленное политическими неприятностями, или мысль о том, что в Париже я так близка к Клавьеру, – тут любую версию можно было предполагать), Александр отошел к окну, встал, повернувшись ко мне спиной, словно не

желал больше разговаривать. Под щеками у него ходили желваки, и это доказывало, что его спокойствие видимое и является только прикрытием для бушующей внутри бури.

Рассерженная, я растерла себе запястья. Синяков не будет, конечно, но я как-то отвыкла в последнее время от подобного физического воздействия. Он, надо сказать, и раньше его не чурался... Это одновременно и возмущало меня, и вызывало странное, животное какое-то уважение к нему как к мужчине. Этот человек умел укрощать женщин, подобной способности у него, конечно, не отнять. Не потому ли я так влюбилась в него когда-то и влюблена по сей день? Он всегда демонстрировал, что любые попытки им управлять обречены, что его мужская сила может подчинить женскую, и это заставляло смиряться. Да и втайне восхищаться его негибкостью.

То, что он сейчас мне продиктовал, по сути, означало, что я должна в самом скором времени, ни о чем не спрашивая и ничего не требуя, покинуть Париж. Уехать до этой второй пресловутой встречи роялистов с Бонапартом, о которой толковал Талейран... Но, как ни реальны были угрозы, высказанные Александром, я чувствовала, что во мне просыпаются упорство и желание спорить. Было уже ясно, что из попыток повлиять на герцога ничего не выйдет, но уйти вот так, вообще не поговорив, казалось мне невозможной глупостью.

Я взяла шляпку и, пока надевала ее перед зеркалом, произнесла как бы мимоходом:

— Вы слышали хотя бы о том, что Париж наполняется эмигрантами? Многие аристократы вернулись в столицу. Среди них – Мортемары и Монморанси, Шуазели и Лавали.

Я закончила на вопросительной ноте. Голос мой звучал почти спокойно. Александр ответил не сразу, а когда заговорил, то все так же не повернулся ко мне лицом.

— Это Бонапарт пытается создать вокруг себя подобие двора. Потому призывает их.

— А вы это не одобряете?

— Не одобряю что? – Мне показалось, он усмехнулся. – Любые фокусы этого человека направлены на то, чтобы задавить нас. Чем больше аристократов он привлечет, тем более беспомощным будет казаться законный король.

— И вы...

— И я в этой комедии, конечно, не буду участвовать.

— К нам в отель дю Шатлэ приходил господин Симон, – сообщила я, ничуть не вдохновенная, конечно, его последними словами. – Вполне возможно, ваша позиция может привести к тому, что у нас заберут парижский дом.

Он испустил тяжелый вздох и ответил с мрачным юмором:

— Дома, поместья... Я даже и не сомневаюсь, что для Бонапарта, как для любого республиканца, чужое добро может быть привлекательно.

— Так, может быть, я могла бы как-то воспрепятствовать этому?

Александр обернулся и взглянул на меня с нескрываемым удивлением, впрочем, не особо доброжелательным.

— Вы? Что же зависит от вас?

Я на миг запнулась, чувствуя, что у меня от волнения сильно застучало сердце. Муж ничего не знал о моих тайных отношениях с Талейраном, и я меньше всего хотела что-либо ему об этом говорить. Однако самую суть ночного разговора передать надо было... подобрав для этого наиболее округлые, наименее подозрительные словесные обороты и исключив все то, что могло навести Александра на неприятные выводы.

— Вчера я получила приглашение на бал от министра иностранных дел, – произнесла я как можно спокойнее, хотя испытующий взгляд герцога выдержать было не так легко. – Как мне удалось выяснить, я буду одной из многих аристократок, которые посетят его. Мне кажется, прими я приглашение, это позволило бы Бонапарту смягчиться и не трогать наш дом... и по этой причине я могла бы пойти на тот бал. Ведь это сущий пустяк.

Я явно недооценила проницательность Александра. Еще не закончив, я по выражению его лица поняла, как поразило его услышанное, и последние мои слова по этой причине прозвучали совсем безжизненно, без какой-либо убедительности. Я умолкла, чувствуя сильную неловкость и беспомощно комкая в руках перчатки.

Казалось, то, что я сказала, на миг оглушило его. По крайней мере, он ответил далеко не сразу. Заложив большие пальцы рук за пояс, Александр медленно приблизился ко мне и некоторое время молча на меня смотрел. По его виду я поняла, что он понимает: то, что я упомянула как сущий пустяк, на самом деле является довольно важным для меня обстоятельством.

Он не спросил меня о Талейране, не осведомился, зачем и когда меня к нему пригласили, не поинтересовался, какие отношения связывают меня с министром, которого в роялистских кругах считали предателем. Его вообще, похоже, не занимали второстепенные подробности моего сообщения. Александр сказал всего пару фраз, медленно и веско, ледяным тоном:

— Вот и обнаружился тот второй путь, который вы ищете, Сюзанна. Теперь ваш приезд становится объяснимым. Не так ли?

— Что это вы имеете в виду? – переспросила я, стараясь сохранить самообладание. У меня пересохли губы.

— Вы пытаетесь отыскать в жизни собственную дорогу. Отличную от моей. Дорогу, которая идет в обход нашего брака. Черт возьми! Мне следовало бы всегда помнить об этом.

— Помнить о чем? Что за глупости, Александр? – взмолилась я. – Я ваша жена, и не мыслю себя в другом качестве!

— Да, вы моя жена, вы герцогиня дю Шатлэ...

Взорвавшись, он воскликнул:

— Но вы еще и дочь принца де Ла Тремуйля. Подруга казненной королевы! У вас есть свое собственное имя и собственная ценность, не правда ли, Сюзанна? Теперь, когда мои дела плохи, вы вспомнили о них. Ведь именно благодаря им вы понадобились Бонапарту?!

Я даже представить себе не могла, что он мое намерение пойти на бал в Неи расценит именно так, и в первый момент растерялась, не зная, что ответить на эти упреки. И еще меня поразило, что эти упреки я дословно слышала накануне от Талейрана – только не в виде упреков, разумеется, а в форме восхваления. Значит, я действительно чего-то стою в нынешней ситуации, раз двое умных мужчин оценили меня почти одинаково... Тем временем Александр не упрекал больше. Выражение невыразимой боли на миг разлилось по его лицу. Однако потом он справился с чувствами, и лицо его почти окаменело.

— Вы вольны поступать, как вам угодно, сударыня.

— Александр, вы мой муж, и я...

— Такой человек, как я, не стеснит вас в выборе судьбы.

Полная горечи усмешка скользнула по его губам. Шагнув к выходу, он рывком распахнул передо мной дверь:

— Прошу вас, мадам. Перед вами открывается блестящий путь вверх, и вряд ли такой потенциальный изгнанник, как я, может быть для вас достойным спутником.

— О, что за комедия! – вскричала я в гневе, топнув ногой. – К чему эти представления, Александр, я не собираюсь разрывать наш брак!..

— Браки, сударыня, совершаются на небесах, но разрушают их люди. Мой роялизм и ваши бальные приготовления в честь Бонапарта совершенно не совпадают. Однако, как видно, блеск Консулата манит вас сильнее, чем прелести семейного очага.

— Ну, знаете! – сказала я, разъярившись уже по-настоящему. Его холодность, категоричность, нежелание толком обсуждать наше положение – все казалось мне чрезмерным и неправильным. – Вы, мне кажется, просто с ума сошли, Александр. Наша семья и бал – можно ли это сравнивать?

— Вы не можете пойти на подобный бал как герцогиня дю Шатлэ, потому что я с этим не согласен. А если пойдете в качестве принцессы де Ла Тремуйль, какая роль отводится мне? Клянусь честью, я найду себе дело получше, чем быть вашим пажом на консульских вечеринках!

Придерживая дверь, он нетерпеливо повторил:

— Не задерживайте меня, сударыня. В данный момент нам нечего обсуждать.

Эта фраза, по сути, означала «подите вон», разве что произнесены эти грубые слова не были. У меня тоже испарилось всякое желание что-либо обсуждать. В конце концов, он в чем-то прав: я не только герцогиня дю Шатлэ, но еще и принцесса де Ла Тремуйль, и никто, даже супруг, не смеет помыкать мною, как служанкой! Тем более так бесцеремонно указывать на дверь... Бросив на Александра испепеляющий взгляд, я вылетела из гостиничного номера, хлопнув дверью. Меня переполняло бешенство.

— Грубиян! Это пьяное хамство просто омерзительно!..

Я не знала, чем все это закончится, но была уверена, что на этот раз приму решение насчет своего будущего самостоятельно и ничьему давлению не поддамся. Даже неприкрытому давлению собственного мужа!

4

Я ехала в экипаже, в ярости кусая кружевной платочек, и не успокоилась даже тогда, когда карета прогрохотала под арками Королевской площади. Не дожидаясь, пока служанки спустятся на звонок, я открыла дверь собственным ключом и вихрем промчалась через анфиладу комнат по направлению к гостиной. Не раздеваясь, я дрожащими руками распахнула дверцы большого старинного буфета, достала бутылку арманьяка, плеснула золотистой жидкости в стакан. Пить? Как давно я не прибегала к подобному средству для расслабления! Но теперь нервы у меня были как натянутые струны, и я, секунду поглядев, как играют блики стекла в арманьяке, залпом выпила.

Арманьяк обжег горло. Я закашлялась, стала лихорадочно искать в буфете полотняные салфетки, и, пока делала это, почувствовала, как горячая волна плывет по жилам. Потом глотнула еще и еще... Чем больше спиртное туманило рассудок, тем расслабленнее и отстраненнее я себя чувствовала. По крайней мере, сердце умирало стук, и я уже не кипела от злости, вспоминая, как меня оскорбили.

«Черт возьми, зачем я только поехала к нему?! – задала я себе наконец вопрос, расположившись перед камином со стаканом в руках. – Зачем так спешила? Разве нельзя было подождать день-два, собрать сведения... да и решить, что вообще хочется мне самой?! Я летела к нему, как влюбленная девчонка, а он и не думал обо мне. Пил и наверняка встречался с женщинами. Где уж ему обрадоваться моему приезду? Мое место, как он думает, – в Бретани. На хуторе. В вечной скуке и вечном ожидании!»

От этой последней мысли меня снова опалила обида. Я подумала: ведь действительно, весь наш брак был построен именно по этому рецепту – Александр живет жизнью, полной разнообразных приключений, политических и любовных, а я покорно жду его в поместье... жду, когда он уделит мне, наконец, внимание, одарит теплом и развеет скуку. Этот мой удел я до поры до времени принимала с пониманием: замужний статус и маленькие дети обязывали к некоторым ограничениям, да и революция, оставившая меня без средств, отучила меня от всяких мыслей о светской жизни. Но кто сказал, что я обречена вечно жить именно так? Ведь мой муж, даже поклявшись, что мы больше не будем разлучаться, сам вовсе не превратился в сельского помещика и домоседа!

Особенно меня поражало то желание подавления, которое я разглядела в нем. Он хотел подчинить меня своей воле, чуть ли не вернуть в стойло. Казалось, само мое появление он расценил как страшную угрозу своей власти в нашей семье. Но почему? Неужели его так страшит призрак Клавьера и он так опасается, что здесь я буду слишком доступна для происков

банкира? «Он, этот лавочник, помнит тебя, – прозвучали у меня в голове слова Александра. – Мне было бы куда спокойнее, если бы его не существовало на свете!» Господи, неужели он мог верить в эту чушь?

Но все равно, даже если верил, почему он был так груб? Что за неистовство было в его реакции? Я его жена, а не рабыня! И мне-то прекрасно известно, как он бывает очарователен и как умеет ласково убеждать, когда хочет. Что, жене демонстрировать эти качества уже не нужно? Он утомился? Мне можно просто приказывать? Конечно, я же не Мелинда Дэйл!

Всхлипнув, я перевернула почту на столике возле камина. Вензель Талеярана привлек мое внимание, и я быстро распечатала конверт.

«Душа моя, – писал Морис, – я узнал, что вы все еще не посетили мадемуазель Бертен, которая так вас ждет. Очень надеюсь, что вы мешкаете с этим визитом из-за забот супружеских, а не из-за того, что изменили нашему договору. Бал назначен на Вербное воскресенье, времени не так много, поэтому умоляю вас поторопиться. Я еще не говорил вам, что, хотя сам прием будет дан в честь первого консула, лично для вас на празднике я готовлю сюрприз, который не оставит вас равнодушной.»

Напоминаю вам, мадам, что мы договорились ежедневно обмениваться записками, и сам я уже внес эту приятную обязанность в свой утренний распорядок дня».

Прочитав письмо, я почувствовала, как злость снова захлестывает меня. Конечно, полстакана арманьяка сделали свое дело, и соображала я сейчас не очень трезво, но все же ясно ощутила контраст между тем, какого тона придерживался Талеяран по отношению ко мне, и тем, как вел себя мой муж. Черт побери, я заслуживаю уважения и дружелюбия! Если такой человек, как министр иностранных дел, ценит меня и готовит мне сюрпризы, почему бы Александру, которому я родила двух сыновей, тоже не ценить меня по достоинству?!

Потом я вспомнила, как выглядел мой муж во время встречи, и даже топнула ногой от негодования. С Талеяраном уж его не сравнить! Александр давно забыл, что значит следить за собой как подобает аристократу и превратился в угрюмого мрачного вояку. На все случаи жизни у него два мундира – военный или дорожный, он вечно при оружии, пропах табаком, лошадьми и порохом, и никогда не задумывается над тем, чтобы поразить даму изяществом камзола и белизной кружев. Война, конечно, всему причиной война... Но он упорно не хочет мира, и меня вечно ждет именно такой Александр – загнанный в угол, пьющий повстанец!

Я вкочила на ноги, рывком скинула плащ, яростно швырнула шляпку в угол. И только теперь заметила, что не одна в гостиной, – в кресле с высокой спинкой напротив окна сидел мой брат.

— Джакомо?

Он не спеша повернул ко мне лицо.

— Я все время был здесь, Ритта. Решил не мешать тебе, потому что почувствовал, как ты взволнована.

— Да. Взволнована...

В полной прострации я подошла, села напротив, не зная, что сказать. Мне так хотелось услышать чей-то совет, особенно, конечно, братский, но я толком даже не говорила с Джакомо в этот приезд, поэтому было как-то неловко начинать первый же разговор с собственных бед. Тем более, что Ренцо-то я забыла привезти с собой... В целом я знала, разумеется, что у Джакомо все хорошо. Стефания управляла служанками и присматривала за домом, брат понемногу становился довольно востребованным в Париже учителем итальянского языка, Жоржетта была помолвлена с каким-то сержантом и к осени, после окончания нового похода, готовилась выйти замуж. Может, не так уж и важно обсуждать все эти житейские дела в первую очередь, ведь у меня проблемы посерьезнее?

Джакомо будто услышал мои мысли, взял меня за руку.

— Что случилось, сестра?

Далекое воспоминание промелькнуло у меня в голове: старый тосканский дом, вечер, треск хвороста в очаге... Джакомо, так же держа меня за руку, рассказывает мне сказку о фее Кренского озера, а я, восьмилетняя девочка, слушаю, затаив дыхание, и не могу оторвать замороженного взгляда от его красивого благородного лица, по которому скользят отблески пламени... Это воспоминание будто прорвало плотину: я стала говорить, сбивчиво и быстро, пересказывая ему вкратце историю своего брака с герцогом, жалуясь и возмущаясь.

Он слушал меня не перебивая. А я, лишь выговорившись, осознала, что, пожалуй, впервые в жизни произнесла вслух все, что довелось мне испытать в семейной жизни за последние несколько лет. Что поделаешь, не было рядом человека – помимо Маргариты, естественно, – которому можно было бы поведать подобное. Я чуть не проговорила даже о том, какую роль сыграл в моей жизни Клавьер и кем он приходится Веронике и Изабелле... Начав говорить об этом, я все-таки прикусила себе язык, но вместо этого много рассказала о своих супружеских перипетиях в Бретани, о том, какой одинокой чувствовала себя в браке и как мучил меня Александр бесконечными отлучками и изменами.

— Это очень тяжело, Джакомо: быть женой и одновременно месяцами не видеть мужа. Считаться замужем и одновременно жить как соломенная вдова... И сейчас снова все это может повториться, потому что... потому что я не знаю, какое решение примет герцог и смогу ли я...

Глянув на брата, я проглотила комок в горле и с усилием закончила:

— И смогу ли я подчиниться этому решению.

Джакомо не отпускал мою руку. Слабая улыбка пробежала по его губам:

— Наверное, Ритта, для начала ты должна понять, сможешь ли ты жить без него.

— Смогу! – отрезала я довольно сердито, предпочитая не задумываться над ответом глубоко. – Если он будет вести себя так, как сегодня, разумеется, мне не о чем будет жалеть!

— Тогда есть ли смысл переживать?

Негромким голосом он поведал мне, что, конечно, не слишком разбирается в тонкостях аристократических традиций и дворянского быта. Чем заканчиваются ссоры в герцогских семействах, ему не очень-то известно. Но...

— Но я хорошо знаю, Ритта, что есть очень немного проблем, которые не способно было бы решить время. Оно всегда помогает разобраться. Так что не торопись сдаваться.

— Что ты имеешь в виду? – спросила я озадаченно. – Думаешь, мне все-таки стоит пойти на бал?

— О, конечно. Я имею в виду и это тоже. Там ты наверняка услышишь много нового. Нынешняя ссора с мужем, возможно, покажется тебе не такой важной. И ты сможешь понять, где тебе лучше и... что тебе ближе.

— Однако герцог... он сказал мне, что мое участие в бале будет приравниваться в его понимании к разводу!

Джакомо меланхолично усмехнулся, пожав плечами.

— Сушая чепуха. Уверен, что он просто вспылит. Когда в семье двое сыновей, бал – это не та причина, по которой мужчина может развестись... Кроме того, разве немного перца когда-то вредило браку? Не мне тебя учить, ты и сама знаешь, что мужчины гораздо больше ценят тех женщин, которые не повинуются им по щелчку пальцев.

Пока я размышляла над всем этим, Джакомо осторожно добавил:

— А может, этот бал все изменит? Может, перед тобой откроется новая жизнь. Почему нет, Ритта? Не все в мире измеряется любовью и страстью. Иногда благополучие и устроенность тоже важны... тем более, что тебе выпала нелегкая судьба. Ты уже вдоволь натерпелась лишений.

Черт возьми, сказав это, он попал прямо в точку. Это была крамольная мысль, но я не могла отрицать ее существования. Приехав в Париж, я осознала, что вполне могу сама управ-

лять своей жизнью. У меня был шанс остаться во Франции, сохранив поместья и дом в столице. Переехать же в Англию означало подвергнуть себя риску все здесь потерять. Видит Бог, однажды я уже теряла абсолютно все, но тогда была моложе и глупее, кроме того, общеизвестно, что в юности все переносится беззаботнее. Теперь я была не очень-то готова к такой катастрофе. Утратить все во Франции и устраиваться на новом месте, в чужой стране – разве это легко? Конечно, сердце мое принадлежало мужу, но можно ли жить только сердцем?

Тем более, если муж так груб и неласков? Станет ли он лучше вести себя в Лондоне, где у меня не будет вообще никакой защиты? О-ля-ля, впервые в жизни оказаться среди англичан в компании сурового супруга, имеющего в Англии кучу знакомых женщин и вес при английском дворе!.. Да я там и пикнуть не смогу, надо полагать! И дорога назад во Францию, скорее всего, мне будет заказана...

Конечно, я понимала, что Джакомо, говоря так, преследует и какие-то свои цели. Для них со Стефанией тоже было бы лучше, если б я осталась во Франции, помирилась с новой властью и пользовалась влиянием в парижском свете. Это означало бы, что отель дю Шатлэ никто не тронет, и их не выселят отсюда. К дому за три года они очень привыкли и не хотели бы вновь мыкаться по съемным квартирам. Если бы я последовала за мужем в изгнание, для семьи брата это тоже ознаменовало бы начало неприятных изменений.

— Не спеши, Ритта, – настаивал он. – Уехать из Франции ты всегда успеешь.

Я бросила на Джакомо пылкий взгляд. Даже сквозь опьянение мне казалось, что и в его советах, и в моих размышлениях слишком много чего-то расчетливого, низменного, себялюбивого. Однако в данный момент я не чувствовала в себе сил мыслить иначе и была рада, что брат поддерживает меня.

— Думаю, ты прав, – сказала я довольно мрачно, не сдержав тяжелого вздоха. – Я не собираюсь спешить.

Глава вторая

Пьяная герцогиня

1

Звонок, подвешенный к двери магазина мадемуазель Бертен на улице Сент-Оноре, звучал так же мелодично и нежно, как и одиннадцать лет назад, и мне в какой-то миг показалось, что совсем мало прошло времени с того дня, когда я в последний раз переступала порог этой некогда безумно модной лавки. Вспомнить хотя бы тот осенний день 1788 года, когда я явилась сюда, преисполненная решимости завоевать сердце Франсуа де Вильера и вызвать его ревность. В восемнадцатилетнем возрасте голова бывает забита самыми глупыми желаниями... Для достижения тогдашней цели мне страх как нужен был великолепный туалет, и ради него я тогда впуталась в долги, впоследствии очень горько мне отозвавшиеся.

С тех пор минуло более десятилетия, над Парижем прогрехотали смертоносные революционные бури, однако... лавка Розы Бертен была на все том же месте, так же была убрана цветами входная дверь, так же сияли на весеннем солнце стекла ее безукоризненно чистых витрин, а за ними так же соблазнительно искрились свертки дорогих шелков и муслинов, заставляя многих горожанок замедлять шаг и останавливаться. Одна из них, понимая, что я готовлюсь зайти в лавку и явно буду клиенткой известной портнихи, не удержалась и обожгла меня довольно завистливым женским взглядом.

Таким образом, жизнь продолжалась. И Париж возрождался, я не могла этого не отметить. Улица Сент-Оноре, некогда одна из самых шикарных в столице, уверенно возвращала себе прежний шик. Кроме магазина Розы Бертен, здесь не счесть было лавок модного платья. Только навскидку, проезжая в карете, я насчитала четыре портновских заведения, два галантерейных, два шляпочных и четыре обувных! В двух магазинчиках, как и прежде, изготавливались парики. Процветали цветочницы, потому что было весьма модно украшать прически цветами, колосьями и дубовыми листьями... Повсюду в витринах были развернуты свежие выпуски «Модного журнала для дам», который выходил теперь очень часто – раз в пять дней, и на его страницах красовались цветные гравюры, изображающие последние парижские модели одежды. То и дело хлопали входные двери лавок, выпуская посыльных с коробками, – они спешили доставлять заказы. Казалось, вот-вот и у магазина Розы Бертен прозвучит возглас: «Дорогу поставщику ее величества королевы!» – и тогда картина сходства с прежним Парижем вообще станет полной...

Но такие возгласы, разумеется, не звучали. Не звучали и какие-либо титулы. Можно было предположить, что потребителями этого возрождающегося блеска являются зажиточные буржуа, заселившие улицы Сантье и Вожирар, – финансисты, армейские поставщики, биржевые торговцы.

— Просим вас, мадам. Мы очень рады вас видеть.

Служанка, поклонившись, пошла известить хозяйку магазина о моем прибытии, а я тем временем завороченно смотрела на большой портрет, украшавший стену в глубине лавки. На нем во весь рост была изображена королева Мария Антуанетта. Молодая, сияющая, в потрясающем платье из красного бархата, украшенном тонким светлым кружевом, она держала в белой руке алую розу. И на меня будто повеяло давним, любимым ее ароматом роз, которыми были пропитаны все вещи в ее покоях – и в Версале, и потом в Тюильри...

Этот портрет еще раз доказывал, как все изменилось в Париже. Здесь уже можно было украсить стену огромной картиной с изображением королевы и сохранить при этом голову. По слухам, в этом году в годовщину казни короля роялисты так осмелели, что повесили траурным полотнищем весь фасад церкви Мадлен, и за эту выходку никто из них не поплатился даже

тюрьмой. «Чем уж так плох Бонапарт? – мелькнуло у меня в голове. – Он явно не чувствует к аристократам неприязни. Одному Богу известно, почему Кадудаль и Александр так упорствуют. Ведь генерал не имеет никакого отношения к их личным кровавым счетам с революцией!»

— Мадам де Ла Тремуиль! Принцесса! Благодарение Богу, что мне довелось опять свидеться с вами, ваше сиятельство!

Изящная мадемуазель Роза, невысокая и хрупкая, присела передо мной в безупречном придворном реверансе, а когда выпрямилась, ее серые глаза окинули цепким и быстрым взглядом мое лицо и фигуру.

— Клянусь Пречистой Девой, вы совершенно не изменились, мадам. Как будто и не было всех этих лет!.. Должно быть, судьба была к вам благосклоннее, чем ко множеству других версальских дам.

О самой Розе Бертен, увы, нельзя было сказать того же. Густая сетка морщин окружала ее глаза, горестные складки залегли в углах рта, та прелестная легкость, которой прежде славилась портниха, уступила место старческой сухости. Она по-прежнему высоко держала голову, пудрила лицо и сохраняла прямой стан, но эта стройность уже никого не могла ввести в заблуждение: Роза напоминала теперь старушку и выглядела на все свои пятьдесят пять лет. Я помнила ее в фижмах и кринолинах Старого порядка. Нынешняя мода только добавляла ей костлявости, хотя она и пыталась прятать худые руки под дорогой кашемировой шалью.

— Я тоже очень рада, мадемуазель Бертен. Когда господин де Талейран сообщил мне, что вы в Париже, у меня екнуло сердце. Столько воспоминаний! Особенно...

— Особенно об ее величестве, – как эхо, отозвалась она, заканчивая мою мысль. – Ах, принцесса, ведь это мне выпала печальная честь сшить для королевы траурное платье.

Нельзя было даже и подумать о том, чтобы вот так сразу заниматься примерками и выбором фасонов. Нас обеих переполняли чувства. Роза проводила меня в свой кабинет, предложила чашку шоколада и с глазами, полными слез, поведала о том, что оставалась в Париже вплоть до весны 1793 года, пока во Франции не был объявлен террор. Мария Антуанетта была уже вдовой, под арестом в тюрьме Тампль, и чтобы королеве было что носить в знак траура по мужу, Роза перелицовывала ее старые платья и чепцы, пришивая к ним черные ленты.

— Можно ли было предугадать, что все так закончится? Сколько пандор я сделала для ее величества⁸... в какие только уголки мира они ни отправлялись! Добирались, бывало, до самого Санкт-Петербурга... Королева – это же была сама нежность. Сама доброта... Какой жестокой и незаслуженной участи подвергли ее эти изверги!

По словам Розы, она готова была остаться с королевой до конца, но Мария Антуанетта приказала ей поберечь себя.

— Якобинцы уже начали против меня следствие. Мне пришлось сжечь все бухгалтерские счета и книги и, бросив все, бежать в Лондон. Я заранее знала, что ничего хорошего меня там не ждет. Невозможно дважды войти в одну и ту же реку. Заказы были, конечно, но наши французские дамы беднели с каждым днем. Да еще эта мода...

Лицо портнихи наполнилось почти отчаянием.

— Эта мода так поменялась. Я до сих пор не нахожу в этой античности ничего привлекательного. То ли дело раньше! Высокие шляпы... Роскошные прически... И платья, на которые уходило по сорок футов материи...

Промокнув покрасневшие глаза кружевным платочком, она взглянула на меня:

⁸ Мария Антуанетта ввела в моду изготовление так называемых Пандор (Pandoras) – фарфоровых, деревянных или восковых кукол разной величины (вплоть до высоты человеческого роста). Наряженные в самые модные одежды, они отправлялись в подарок европейским монархам и знатным лицам.

— А вы? Как сложилась ваша судьба? Неужели правда то, что вы все эти годы провели во Франции, не выехав за границу ни на день?

Я невесело улыбнулась.

— Да, Роза, да. Хотя, когда я говорю это, мне самой не верится.

Она смотрела на меня с нескрываемым уважением.

— Должно быть, у Господа Бога на вас особые планы. Подумать только! Как ужасно погибла принцесса де Ламбаль. А ведь вы были к королеве куда ближе, нежели она. И я могу понять...

— Что? – переспросила я, заметив, что она не спешит договорить.

— Могу понять, почему господин де Талейран так выделяет вас.

— Выделяет из кого?

— О, да ведь вокруг него, как известно, крутится целый женский гарем.

— Не слышала о таком, – призналась я искренне.

— Уверяю вас! Он окружен обожательницами. Чуть ли не каждая вернувшаяся из эмиграции герцогиня – его поклонница. Мадам де Люинь, принцесса де Водемон...

— А вы откуда знаете, Роза? – спросила я. – Он направляет их к вам?

— Ну да! Я так понимаю, примеряет на роль звезды парижского света. Ох, мало найдется таких интриганов, как он! – Она метнула на меня пытливый взгляд и поспешила добавить: – Надеюсь, это не дойдет до его ушей, потому что он весьма щедрый заказчик, благослови его Господь. Но дамы, которых он присылает, бывают так привередливы!..

Это замечание задело какую-то глубоко женскую струну в моей душе. Привередливость – такое истинно женское качество... До него ли мне было, когда я переживала за мужа, объявленного вне закона? Когда в Сент-Элуа привозили английские ружья? Когда горели Белые Липы? Фасон шляпки, тон румян и пудры, цветы к прическе – это так давно не было моим предметом для раздумий...

— А я уже и забыла, когда была привередлива, – вырвалось у меня.

Мадемуазель Бертен меня успокоила:

— Это обычное дело после революции. Погодите, принцесса, побудете в Париже хотя бы полгода – вновь станете щеголихой. О, наш Париж!.. Это же великий Вавилон. Царство элегантности, куда там Лондону!

Я помнила, что Роза несколько лет провела в Лондоне, и порывалась было задать несколько вопросов касательно жизни там: все-таки мне, возможно, предстояло испробовать ее на вкус... Но портниха не позволила мне вставить ни слова, увлеченная собственными темами.

— По отношению к вам монсеньор – я до сих пор так называю господина епископа Отенского – дал совершенно особые наставления. И его можно понять: вы действительно можете принести ему успех.

Окинув меня уже оценивающим взглядом портнихи, Роза признала:

— Да, вы сохранили великолепную фигуру. Должно быть, у вас отличный супруг. Это часто влияет на женские формы благотворно, поверьте... Мода на завышенные талии идет далеко не всем. Большинство дам в модных платьях без корсетов – как бочонки, право слово! Нет, нынешний крой – только для стройных и длинноногих. А вы с вашей внешностью... вы можете носить какие угодно фасоны. И цвета. Вам пойдут даже сложные оттенки. Шоколадный, оранжевый, цвет фуксии – все это можете надевать со смелостью. Вот только розовый я бы вам не предложила. Он поблекнет на фоне ваших черных глаз...

Роза Бертен много лет вращалась в аристократических кругах, но ничто не смогло искоренить ее простонародной привычки болтать и сплетничать. Я не останавливала ее, потому что мне и вправду нужно было узнать много нового о Париже. Она жила здесь уже год, Талейран помогал ей собирать высокопоставленную клиентуру, поэтому Роза была в курсе многих последних сплетен.

С ее помощью я поняла, что мой друг Морис действительно давно и тщетно ищет среди вернувшихся аристократок ту, которая могла бы стать украшением вновь создаваемого света. Красавицы, ставшие знаменитыми при Директории, вроде ослепительной Терезы Тальен, актрисы Ланж, креолки Фортюнэ Гамелен, были решительно Бонапартом забракованы. Однако ни герцогиня де Люинь, похожая на гренадера, ни престарелая мадам де Монтессон, вдова герцога Орлеанского, ни косноязычная принцесса де Водемон ни в коей мере не могли их заменить.

— В Париж вернулась еще и маркиза де Контад, – щебетала Роза, деловито раскладывая печенье по вазочкам, – она хороша, как ангел, вы, вероятно, помните. И не без средств... Но она так ненавидит Бонапарта, что нечего и думать об ее участии в большом свете. Ее удел – салоны Сен-Жермена. Если б вы знали, как она недавно высмеяла госпожу Леклерк⁹!

— Не знаю даже такой госпожи, – заметила я, невольно засмеявшись.

Роза вытаращила на меня глаза, на которых после слез расплылась краска:

— Господи! Полина Леклерк – младшая сестра первого консула... На всякий прием она вкатывается гордо, как солнце, с желанием всех ослепить красотой. Однако при этом она глупа, как пробка, и не способна связать двух слов в свою защиту... Так вот, стоило маркизе де Контад сказать, слегка кивнув в ее сторону: «Вы видели, как безобразны уши у этой красавицы? Просто два хряща, прилепленных к голове! Право, будь у меня такие уши, я бы велела их себе отрезать!» – как прекрасная Паолетта бросилась вон из салона, едва сдерживая рыдания...

Роза, сама того не понимая, разворачивала передо мной картину столичной действительности. В Париже царило безвкусное смешение старого и нового света, аристократического и революционного высших сословий, поэтому Талейран был полон решимости создать здесь подобие нового двора и отшлифовать его. Как точно высказался об этом мой муж во время нашего недавнего препирательства! Пошатнуть позиции законного короля еще и тем, что французские аристократы переходят на сторону первого консула, – вот общая цель Талейрана и Бонапарта... «Стало быть, эти последние меня считают более сговорчивой, чем маркиза де Контад, – мелькнуло у меня в голове, и от легкой досады я прикусила губу. – Не факт, конечно, что они правы, но они так считают... Хорошо это или плохо? Впрочем, разве я давала где-либо клятву ненавидеть первого консула до гробовой доски?»

По правде говоря, выходка маркизы де Контад казалась мне злобной и особого одобрения в душе не вызвала. Слушая рассказы Розы, я осторожно попыталась направить разговор в более интересное для меня русло:

— Так вы говорите, Терезу Тальен не принимают в Тюильри?

Я надеялась, что, расспрашивая о любовнице Клавьера, выужу какие-либо сведения и о нем самом. Роза снова сделала круглые глаза:

— На порог не пускают! И ее, и мадам Гамелен.

— Кто это? – спросила я как можно спокойнее, допивая шоколад.

— Креолка, родом с Мартиники. Подруга Жозефины Бонапарт. Да они обе, Тереза и Фортюнэ, – ее подруги. Однако первый консул и видеть их не желает возле своей жены.

— Почему?

— Мадам Тальен он открыто называет Мессалиной¹⁰. Никто, дескать, не может упомнить число ее любовников! Бонапарт не хочет, чтобы его супруга общалась с женщиной, у которой более чем скандальная репутация. А Фортюнэ Гамелен... Что ж, с ней связана такая пикантная история, что из опалы ей не выбраться вообще никогда!

⁹ Полина Бонапарт (1780-1825), младшая сестра Наполеона Бонапарта, признанная красавица, была в то время замужем за генералом Леклерком.

¹⁰ Жена императора Клавдия, известная своей похотью, доходившей до того, что она по ночам инкогнито обслуживала мужчин в публичных домах.

— Как же ее угораздило? – осведомилась я рассеянно, лишь для поддержания разговора, поскольку неведомая мне мадам Гамелен абсолютно меня в тот миг не интересовала. – Что она сделала?

— Лучше спросить, что сделал банкир Клавьер. Потому что именно он виноват во всем... у мадам Фортюне для насмешек над консулом и оснований-то не было!

Имя Клавьера, которое я очень редко слышала из чьих-либо уст, заставило меня вздрогнуть. Подавив волнение, я взглянула на Розу:

— Банкир Клавьер? Он же был под арестом?

— Да, но не думайте, что он попал под арест только из-за денежных споров с первым консулом!

Роза трещала, как сорока, и с охотой поведала мне поразительную историю о том, что, как только генерал Бонапарт возглавил правительство, между ним и первым богачом Франции началась настоящая война. Клавьер со свергнутым директором Баррасом были неразлей вода, поэтому, когда Директория пала, банкир много потерял. В частности, в подвешенном состоянии оказались многомиллионные суммы, которые он ссужал свергнутой власти. Первый консул платить по счетам предшественников отказался, однако оказывал на банкира нешуточное давление, требуя новых займов. «Верните мне сначала мои деньги, – отвечал Клавьер, – тогда поговорим...»

— Коварство банкира известно всему Парижу. Они с генералом долго препирались, а как раз перед Рождеством первый консул положил глаз на прелестную мадам Гамелен. Она, как я вам говорила, креолка, родственница Жозефины, поэтому вполне в его вкусе. По слухам, Фортюне уже договорилась с ним о свидании, и Бонапарт был весь в превкушении победы, но тут...

Роза искренне рассмеялась, и если бы не чуть хриплый тембр ее смеха, можно было подумать, что смеется молодая девушка:

— Свидание сорвалось! Мадам Фортюне известила первого консула, что заболела. Но шила в мешке не утаишь: Клавьер просто купил у нее этот интимный ужин. Соблазнил бедняжку внушительной суммой, а на следующее утро его люди разрезали по городу о том, что генерал Бонапарт был отвергнут ради денег. Что и сказать, посмешище! А Париж не любит смешных...

Роза произнесла это и тут же посерьезнела, сдвинув брови:

— Вы же понимаете, такие шутки не прощают.

«Да, – подумала я, – это похлеще того, что сделал граф де Фротте. Тот рисовал карикатуры на первого консула и заплатил за это жизнью, а Клавьер, по сути, унижил мужское достоинство генерала... Это называется дергать смерть за усы». Я почерпнула подобное выражение у Александра, из его рассказов о службе в Индии, – так говорили индусы, когда шли на охоту на тигров, и оно казалось мне точной характеристикой поступка банкира.

Клавьеру не впервой, конечно, было попадать в тюрьму, и он всегда слыл достаточно дерзким человеком. Но нынешняя история выглядела уж совсем вызывающе. Я поймала себя на неожиданной мысли о том, что, как ни странно, нынче и мой муж, и Клавьер заняли по отношению к Бонапарту одинаковую позицию. Но если Александр был военным врагом генерала, простым и открытым, что позволяло надеяться на перемирие, то положению банкира вообще, на мой взгляд, ничего не могло помочь. Может, Клавьер поглупел? Привык к собственному всемогуществу при Директории и думает, что ему все сойдет с рук?

— Так что же... банкир поддержал эту бедняжку... которая пострадала от его выходки?

— Кого вы имеете в виду, мадам?

— Ну, вот эту Фортюне...

— С какой же стати? Думаю, она была для Клавьера не больше, чем способом уязвить генерала. Банкир живет сейчас с Терезой Тальен, а она красива, как капитолийская Венера...

Не секрет, конечно, что банкир любит приударить за женщинами, и я сама знаю нескольких дам из бывших, которые нет-нет да и получают от него деньги за любовные услуги, но любит он только Терезу, это всем известно!

— Любит? – повторила я слегка недоверчиво, вспоминая, как распорядился Клавьер Терезой в первые годы революции. Как «сдавал» ее в аренду всякому, кого нужно было оболстить, в том числе и Франсуа, моему покойному незадачливому мужу.

— Утверждают, что любит. Возможно, он даже женится на ней, ведь у них в январе родилась дочь, которую назвали как-то вычурно – Клеманс-Изор, кажется...

Клеманс Изор – так звали средневековую провансальскую знатную даму-поэтессу, покровительствовавшую трубадурам. Поэтическое имя выбрал Клавьер для дочери! Неизвестно почему, но я почувствовала нечто похожее на досаду или ревность, и у меня невольно вырвалось:

— Насколько мне известно, у мадам Тальен уже есть трое или четверо детей, отцовство которых приписывали то ли Баррасу, то ли Клавьеру, то ли...

— То ли ее собственным двум предыдущим мужьям! – подхватила Роза со смехом. Потом покачала головой: – Но нет. После того, как Клавьер перекупил мадам Тальен у Барраса, она хранит верность своему покровителю. Это и не удивительно: он окружил ее такой роскошью!..

— Перекупил у Барраса? Что это значит?

— Это значит, что вы совсем новичок в продажном парижском свете, мадам! Но, поскольку монсеньор епископ просил меня держать вас в курсе всех событий, я охотно буду для вас проводником...

Негромким голосом, довольно иронично мадемуазель поведала мне о том, что пару лет назад развращенный Баррас, пресытившись ласками Терезы, уступил ее Клавьеру за крупную сумму. Это случилось на охоте в Рэнси, новом поместье банкира. Как только торг был завершен, мадам Тальен поселилась в комнатах, смежных с покоями своего покупателя, и отныне безропотно занимала место в его карете и в его театральных ложах. Никаких упреков Баррасу она не высказала, как в свое время смиренно промолчала и Жозефина, отданная им в жены Наполеону Бонапарту.

— Возможно, – продолжала Роза уже чуть уважительнее, – это и выглядело грязно и оскорбительно, но позже банкир загладил это впечатление своей щедростью. Он подарил мадам Тальен роскошный дом на улице Вавилон, дом с садом и мебелью... да и в Рэнси она выступает полновластной хозяйкой.

Как оказалось, в Рэнси дружная чета любовников живет на широкую ногу. Клавьер регулярно устраивает охоты в соседнем принадлежащем ему лесу, а Тереза закатывает балы и приемы, на которых бывают – ну, точнее сказать, бывали – все государственные сановники, от Фуше до Камбасереса, все иностранные послы. Покои, в которых она обитает, отделаны с вызывающей роскошью – эбеновое дерево, слоновая кость и перламутр, а огромная ванная комната черного мрамора вмещает четыре различных мозаичных бассейна и озерцо с золотыми рыбками.

— Он прямо изображает из себя герцога, – заметила я, услышав про охоты.

— Вы бы еще больше удивились, узнав, что он каждый день ездит верхом по Елисейским полям, будто принц какой-то в прежние времена... Ах, деньги, деньги! Нынче они всемогущи. Человек, который владеет капиталом в тридцать миллионов, может позволить себе почти все.

— Так Тереза Тальен нацелилась на эти тридцать миллионов? – спросила я чуть иронично, поднимаясь из-за стола.

— Вы попали в точку, мадам! Конечно, теперь Бонапарт изгнал ее из света, и она может показаться обществу на глаза лишь в коляске на пути в Лоншан, но ее плодовитость может

оказать ей добрую услугу. Если у нее родится сын от банкира, думаю, она завоюет титул госпожи Клавьер.

— Да ведь она же замужем, – возразила я изумленно.

— А для чего нынче существуют разводы? Тем более, что бедняга Тальен до сих пор не вернулся из Египта...

Я узнала от Розы уже многое и решила прекратить разговор, от которого, честно говоря, меня слегка подташнивало. Ее рассказ обрисовывал омерзительные нравы недавней властной верхушки, и я теперь даже не удивлялась тому, что у генерала Бонапарта не сложились отношения со всей этой продажной камарильей.

Ясно, что Баррас и Клавьер, известные авантюристы и казнокрады, легко находили общий язык с Терезой Тальен, по правде говоря, прожженной шлюхой, которая была на содержании у каждого, кто мог много платить за ее красоту, и ввела жуткую моду на платья в виде прозрачных кисейных рубашек, едва прикрывающих тело и обрисовывающих при движении игру мускулов на ягодицах. Все они, вместе взятые, были какой-то гнусной отрыжкой революции, и выглядело вполне закономерно, что генерал Бонапарт пытается вышвырнуть их на задворки света. Я даже готова была испытывать благодарность к нему за то, что он ставит их на место.

— Благодарю вас за беседу, Роза. Однако время идет, и нам нужно заняться делом, ради которого я приехала.

— Вы абсолютно правы, мадам. Пойдемте... Не скажу, что я очень сильна в нынешнем римском крое и этрусских вышивках, но я приготовила для вас чудесные ткани, а еще... а еще человека, которого считаю необыкновенно талантливым. Вы сами в этом убедитесь.

Да, мадемуазель Берген не скрывала, что вдохновение нынче редко ее посещает, и что, несмотря на возвращающуюся в Париж роскошь, сравнимую даже с королевскими временами, ее собственная звезда портнихи может и закатиться. Нынче она держалась на плаву благодаря покровительству Талейрана, прежней славе модистки Марии Антуанетты да еще помощи нескольких молодых дарований, которые еще только надеялись пробиться наверх.

— Господин Леруа, моя правая рука, – представила она мне тщедушного, щегольски одетого приказчика лет тридцати, в котором я не без удивления узнала одного из парикмахеров, прежде служивших в Версале. – Он изобретает фасоны, которые вскоре завоюют Париж. А если Париж – значит и Европу...

Роза провела меня в глубины своего заведения, наполненные самыми разнообразными материями. Львиную долю среди них занимали, конечно, модные нынче индийские муслины и египетские кашемиры, ценящиеся чуть ли не на вес золота, однако довольно было и бархата, и перкаля, и батиста, и шелков. Ткани вообще стоили очень дорого, и стоимость бального туалета доходила до трех-четырёх тысяч франков, не считая украшений. Один только модный теперь тюрбан или ток¹¹ стоил две сотни штука... и я невольно удивилась, услышав от Розы, что Талейран заказал для меня не одно бальное платье для приема в Нейи, а целый гардероб.

— Монсеньор говорил о дюжине нарядов, – сказала Роза, – включая вечерние, утренние и даже дорожные... К счастью, наш Леруа изготавливает отличные токи, и нам не придется обращаться к Шарбонье¹², на этом мы сможем сэкономить.

— Я умею не только делать, но и накалывать токи перед балом, – добавил Леруа с лукавым видом, – недаром в Версале я сделал столько причесок, мадам!

¹¹ Изысканный головной убор из ткани или переплетения тканей, иногда украшенный перьями, серебряными или золотыми деталями.

¹² Популярный в тот период мастер головных уборов.

«Однако Талейран действительно богат, – мелькнуло у меня в голове. – Такой гардероб будет стоить не менее тридцати тысяч!» Честно говоря, я была ошеломлена подобным поворотом событий и не знала, стоит ли мне ввязываться во все эти приготовления. Зачем столько платьев? Для чего Морис все это готовит? Думает, что я останусь в Париже надолго, до самого лета? Хорошо бы, если б это было сопряжено с таким же решением Александра... в противном случае я еще ничего не решила...

Однако Леруа и Роза смотрели на меня выжидающе и с большой надеждой, поэтому я сказала, пытаясь скрыть замешательство:

— Вы долали раньше только прически, сударь... почему вы уверены, что можете создавать наряды?

В ответ Леруа быстро набросал мне на клочке бумаги силуэт одежды, которая, как он считал, подошла бы мне для выхода в Нейи, – рисунок включал богатой фактуры платье с овальным вырезом и роскошно драпирующийся шлейф, а Роза поднесла мне отрез шелка, при виде которого у меня невольно засверкали глаза.

— Поглядите, мадам. Разве это не чудо?

Это была ткань необычного цвета – не красного, а скорее ягодного, сочно-брусничного, мягкая, благородная, чуть рытая, и, безусловно, запоминающаяся. Я бы даже сказала, что никогда прежде не видела такой... разве только...

Роза поймала мой взгляд:

— Да-да, на портрете Марии Антуанетты материя – почти такая же... И это хороший выбор. Подруга королевы должна появиться в новом свете по-настоящему величественно.

Я представила себе, как ослепительно будет выглядеть платье, сшитое из подобной ткани... Оно пойдет мне, без сомнения, на мне всегда выигрывали такие цвета – ягодные, вишневые, алые. В вишневый туалет я была облачена в день представления ко двору Людовика XVI. В этом же наряде меня запомнит весь Париж...

— Мы оттеним эту ткань шлейфом благородного серого цвета, – вкрадчиво добавила Роза, будто читая мои мысли. – Это будет незабываемый туалет. Вы так красивы, мадам. Какой-либо другой даме, блеклой мышке, я бы ничего подобного и не предлагала...

Что-то глубоко женское и поэтому непобедимое, неподвластное логике и рассудку воскресало во мне, когда я слушала такие слова, касалась пальцами этой ткани и представляла себе весь мой возможный гардероб. А когда Роза показала мне искрящиеся, самых разных оттенков крепы и муслины, из которых она намереваласьшить мне утренних платьев, сердце у меня окончательно дрогнуло и я поняла, что не в силах отказаться от этого шанса блеснуть красотой.

«Тем более, что это может пойти на пользу Александру, – убеждала я себя мысленно. – Этот несносный гордец может не соглашаться со мной, но чем больше влиятельных связей я заведу в Париже, тем большее влияние смогу оказать на его судьбу... Ведь он же еще ждет чего-то, не уезжает из столицы. Значит, перспектива бежать в Англию не очень-то прельщает его и Кадудалю...»

В суматохе снятия мерок и выбора тканей Роза Бертен негромко сказала мне:

— Сейчас сюда должна прийти посетительница, с которой вам, мадам, как я думаю, приятно будет повидаться.

— Да? Кто же это? – осведомилась я не очень внимательно.

— Графиня де Монтрон. Она полгода назад вернулась из Лондона, ее тоже опекает монсеньор. Возможно, она могла бы рассказать вам много интересного.

Я попыталась вспомнить, кто же это, но, сколько ни силилась, не смогла.

— Мне незнакома госпожа де Монтрон.

— О, вы хорошо знаете ее. Раньше она звалась Эме де Куаньи.

Заметив мое удивление, модистка наклонилась ко мне еще ближе и, вынув изо рта булавку, шепнула:

— Она как раз из тех высокородных дам, что оказывают услуги господину Клавьеру. Но только т-с-с! Ничего подобного я вам, конечно же, не говорила...

2

Эме де Куаньи, герцогиня де Флери, была моей ровесницей и я, конечно, не раз встречала ее при Версальском дворе, но круги нашего общения были различны и я никак не могла бы сказать, что считалась ее приятельницей. Впрочем, забыть эту женщину нельзя было бы, даже увидев ее всего один раз, – она считалась признанной красавицей, за очарование ее называли «королевой Парижа», а писатель Шодерло де Лакло, поговаривали, обессмертил ее порочную прелесть в образе маркизы де Мертей¹³. Неизвестно, насколько точным было его перо, но о герцогине де Флери действительно ходили толки: выданная замуж в пятнадцать лет, она напропалую изменяла мужу и славилась многочисленными любовными связями – настолько многочисленными, что это вызывало оторопь даже у выдавшего виды версальского общества.

Я помнила ее восхитительной юной женщиной, гибкой, как ива, с каштановыми, отличающимися золотом волосами и бархатными глазами на фарфоровом личике, черты которого можно было бы назвать идеальными. Ее внешность вызывала тогда во мне чувство женского соперничества, и я не стремилась записывать ее в подруги. Сейчас, спустя десять лет, она сохранила свою красоту, но стала массивнее (хотя тяготы материнства ее, кажется, миновали). Ее налитая грудь выглядела тяжеловато в лифе платья-чехла, сшитого из дорогого лимонно-желтого шелка. Округлое лицо с темно-пунцовыми губами манило и притягивало взгляд, но ему не хватало свежести, – слишком явны были признаки недосыпания и излишеств, а огромные темные глаза были подернуты знойной и влажной поволокой, выдающей женщин, которые настолько любят мужчин, что уже потеряли им счет в своей постели.

Меня удивило ее имя – графиня де Монтрон, но она опередила любые мои расспросы, безапелляционно заявив:

— Да, дорогая моя, я уже очень давно не герцогиня де Флери. И – даже уже не графиня де Монтрон... Я дважды разведена, и мне очень нравится, когда меня называют так, как называли в юности: Эме Франкетто де Куаньи.

Она не вдавалась в ностальгию о Версале, не предавалась воспоминаниями о короле и злосчастной судьбе Марии Антуанетты. Прежде чем я успела осмыслить ее заявление о двойном разводе (раньше мне не приходилось встречать дам, переживших такое), Эме деловито завершила свой визит у Розы, забрала полагающиеся ей упаковки с товарами и решительно предложила прогуляться по улицам Парижа и побеседовать.

— Погода восхитительна! Не всегда март в столице так чудесен. Скажите своему кучеру, пусть следует за нами, а мы полюбуемся Сеной и поговорим. Приходилось уже вам видеть, Сюзанна, как пляшут парижане на площади Звезды? Да, жизнь продолжается... и продолжается даже без нас, аристократов, как это ни обидно!

Она прибыла в лавку мадемуазель Бертен в добротной открытой коляске, над которой был натянут примечательный зонт из плотной светлой тафты, – гулять в таком экипаже действительно было одно удовольствие, и, раз она обладала таким средством передвижения, можно было подумать, что ее финансовые дела идут неплохо. Но Эме и тут предвосхитила мои замечания.

— Буду откровенна: в Париже у меня есть друзья, которые меня поддерживают. Одного вы знаете, это – наш с вами общий знакомец Морис, который нынче в таком явном фаворе у корсиканца... – Она засмеялась, блеснув белыми зубами: – Впрочем, коляску мне одалживает банкир Клавьер. Сказала вам уже Роза об этом? Нет-нет, мы с ним не любовники, только деловые партнеры: оба не любим Бонапарта и оказываем друг другу поддержку в салонах.

— Вы много посещаете салоны?

¹³ Центральный персонаж его романа «Опасные связи», циничная, эгоистичная, коварная аристократка.

— Почти каждый вечер. Бываю у мадам де Монтессон, хотя там невыносимо скучно, и даже у принцессы де Водемон, хотя у нее иногда собирается всякий сброд... Она принимает даже Фуше. Лучшее место – у мадам де Сталь. Вот где оттачивают языки на первом консуле!

Она дала знак своему извозчику и, чуть повернувшись ко мне, снова улыбнулась:

— Однако это место не для вас. Морис готовит вас для иного.

Все эти намеки были мне не особо приятны, равно как и ее немного бесцеремонная манера обращения, но я не выдала недовольства и покачала головой:

— Для чего меня можно готовить, мадам де Куаньи? Я замужняя женщина и...

— И? Почему же вы не в отеле «Нант», рядом со своим мужем?

Это был логичный вопрос. Я сдержанно ответила:

— Иной раз жена своими средствами может добиться большего для мужа, чем он сам.

— Вот как? Может, вы, подобно многим нашим, надеетесь вернуть свое имущество? Там, где бессильна шпага мужа, сработает красота жены?

Через сад Тюильри мы ехали к набережной Сены. Река блестела на весеннем солнце, ее гладь бороздили груженные углем и песком лодки, а каменные берега были сплошь уставлены железными прилавками старьевщиков. Ночью товар запирался на ключ, а днем шла бойкая торговля. И чего тут только ни продавалось! Ремесло старьевщиков процветало, и по его процветанию ясно можно было судить, что старая эпоха безвозвратно ушла, а новая начинается. Вдоль набережной продавали старые фамильные портреты, на которых легко можно было узнать лица предков версальских завсегдатаев, фарфоровую посуду, ранее принадлежавшую знаменитым родам, гобелены, извлеченные из национализированных аристократических особняков, старинные фолианты из дворянских библиотек, древнее оружие и регалии. Теперь все эти сокровища искали новых владельцев так же, как раньше нашли новых собственников дворянские замки, леса и охотничьи угодья.

Эме проследила за моим взглядом.

— Печально, не так ли? Наше прошлое... Хоть бы кусочек этого вернуть, об этом мечтают все эмигранты! Как это облегчило бы нашу жизнь. Подумать только, мне приходится играть на бирже, чтобы как-то поддерживать достойный уровень существования!

Я удивленно посмотрела на нее. Играть на бирже? Странно было даже предположить, что она умеет это. Я, к примеру, абсолютно не представляла себе тонкостей этого занятия. Впрочем, в нынешнем Париже женщины занимались не только финансовыми спекуляциями, но и управляли шестерками лошадей, носились зимой на коньках, полуобнаженные разъезжали верхом, по английскому обычаю упражнялись на турниках – словом, делали то, что и мужчины.

— Я не знала, мадам де Куаньи, что наши собратья по сословию так озабочены возвращением своих имуществ. То есть я предполагала, конечно, что...

— Озабочены, мадам де Ла Трёмуйль, уверяю вас! И чрезвычайно. Многие вернулись абсолютно без гроша. Деньги – вот что у всех в голове! Что прикажете делать герцогам де Ноайлям, которые раньше имели полмиллиона ренты, а теперь ютятся где придется по съемным квартирам? Или герцогине де Монморанси, которая собственноручно стирает и гладит свое единственное платье? Или мне, чей замок Марей давно продан?

В ее глазах мелькнуло ожесточение:

— Вот только добиться у первого консула возвращения имуществ не так-то просто. Это возможно лишь в виде его милости, а не как признаваемое право!

Я вздохнула. Понять мотивы аристократов мне было легко, я сама бы не отказалась от возвращения хотя бы десятой части того, что было раньше моим состоянием. Однако в вихре шуанских войн было не до подобных мыслей. Кроме того, такое возвращение, как я подозревала, должно было бы быть чрезвычайно затруднительным с юридической точки зрения: у каждого конфискованного аристократического особняка или замка, как правило, уже имелся новый владелец, купивший его с торгов, и я плохо представляла себе, как первый консул может

разрешить эту коллизию. Обижать буржуа он явно не будет. Возможно, выплатит дворянам компенсацию? Однако в масштабах всей Франции это составит баснословную сумму, а бюджет Консульства в настоящее время почти пуст.

— Да, все это так, — сказала Эме, выслушав мои соображения. — Но на самом деле все решается проще. Достаточно побывать у Жозефины, поднести ей через верного человека какую-нибудь драгоценность, — и она похлопочет за вас у кого надо. Я знаю уже многих людей, которым вернули поместья и леса таким образом...

— Почему бы вам не поступить так же? — спросила я.

Эме криво усмехнулась.

— Мне? Да у меня же ненависть к Бонапарту на лице написана.

«И дружба с Клавьером тоже отнюдь не способствует взаимопониманию с генералом», — подумала я. Но вслух сказала:

— Увы, тогда, очевидно, вам нужно смириться со своей судьбой, мадам де Куаньи.

Она легко коснулась моей руки:

— Да, именно так. Но вы не говорили бы это столь легко, мадам де Ла Тремуиль, если бы сами испытывали денежные затруднения, как испытываю их я.

Деньги были для Эме неиссякаемой темой для разговора. Вернувшись к игре на бирже, она пожаловалась, что спекуляция только тогда бывает для нее успешна, когда ей дают советы Клавьер или Талейран или «оба эти пройдохи вместе», в других же случаях она неизменно терпит убытки. А ведь биржевыми сделками нынче занимается кто угодно, и даже крестьянки, привозя в Париж на продажу молоко и муку, ухитряются кое-что заработать и пообедать в ресторане на целых сто франков. Да и дамы повыше рангом, бывает, зарабатывают — если не на бирже, так на ростовщичестве, к примеру, принимают бумажные ассигнации в обмен на золото под баснословные проценты.

— Женщины научились заботиться о себе, мадам де Ла Тремуиль. Все торгуют, обогащаются, продаются. Уже мало кого увлечешь сказочкой о хорошей жизни под крылышком мужа!

Ее речь была под стать тому, что я видела. Вдоль набережных торговали не только аристократическим прошлым, но и самыми банальными товарами: тканями, маслом, мылом, шерстью, хлебом, кружевом, пудрой, солью, платками, перчатками, дровами, углем, сапогами, лентами, цветами — самыми разнообразными вещами, которые Бог знает откуда взялись или Бог знает откуда были украдены. Столица была переполнена мошенничеством, это читалось в облике ее улиц. Сад Тюильри, насколько я могла заметить, окончательно превратился из места прогулок благородной публики в клоаку, где царили проститутки, сутенеры и праздно шатающиеся солдаты, которых было, ввиду намечающейся войны с Италией, огромное количество.

Эме снова перехватила мой взгляд:

— Это еще что! На Елисейских полях проститутки вообще голыми выглядывают из окон, кричат и визжат изо всех сил, чтоб привлечь внимание... Никогда еще в Париже не торговали женским телом так, как сейчас!

Она выражалась свободно, резко, так, как никогда не принято было выражаться при королевском дворе. Я не знала, так ли уж нужно мне возобновлять знакомство с герцогиней, столь явно демонстрирующей моральный упадок нашего сословия. К примеру, в Бретани знакомые мне аристократки вели себя совсем иначе, много сдержаннее, и выглядели благороднее... Помимо того, перед ней, постоянно жалующейся на недостаток средств и сетующей на отсутствие достойного мужа рядом, мне было как-то неловко из-за того, что я сама не бедна и замужем за герцогом дю Шатлэ, который был нынче в некотором роде роялистской знаменитостью. Однако Эме интересовала меня — во-первых, своей явной близостью с Клавьером, во-вторых, опытом жизни в Лондоне. Я хотела осторожно выудить у нее немного сведений о том и о другом, поэтому, поразмыслив, не стала противиться, когда она, сжав мою руку своей горячей сильной рукой, предложила перекусить на Елисейских полях.

— Время к вечеру. Вы были у Фраскати?

— Нет. Я совсем недавно приехала в Париж.

— Ха-ха, недавно! Скажите лучше, вы сто лет здесь не были. Вот уже год, как это лучший летний сад в столице. Там отлично играют музыканты и отлично кормят. А дамам нынче не возбраняется пообедать без мужского общества и даже пропустить стаканчик-другой!

Елисейские поля, как я видела, активно застраивались особняками и увеселительными заведениями и уже не выглядели аллеей для верховой езды, проложенной среди пустоши. Жить здесь раньше было не особо престижно, но со временем эта просторная улица обещала стать популярной. Верховой езды, впрочем, здесь и сейчас было вдоволь: вдоль широкого проспекта, окаймленного зелеными газонами и газовыми фонарями, неслись всевозможные экипажи, позванивая серебром и медью упряжи, пронеслись ловкие всадники в жокейских костюмах, зачастую – как я заметила – на очень породистых и дорогих лошадях. Кофейни были полны, и франтоватые молодые люди, усевшись на раскладных стульях, пили кофе и болтали, разглядывая проезжающие мимо коляски. Было шумно, как на ярмарке.

— В конце Елисейских полей купил дом старший брат Бонапарта, Жозеф, – заметила герцогиня, – так что здесь скоро и арпана свободного не останется, все участки раскупят.

Она велела кучеру остановиться у огромного заведения, утопающего в зелени каштанов. Весна уже так буйно проявила себя в городе, что сквозь завесу растительности я даже не сразу разглядела, что ресторан Фраскати – это не отдельное большое здание, а несколько просторных деревянных павильонов, возведенных на скорую руку, с большими окнами и легкой крышей для укрытия от непогоды. Деревянные конструкции были задрапированы яркими легкими тканями, украшены картинами на темы греческой мифологии и увиты растениями; повсюду испускали аромат ящики с нарциссами, тюльпанами, крокусами, круглились кроны лимонных деревьев, посаженных в кадки. По углам были расставлены античные светильники на высоких бронзовых треножниках. Журчали мраморные фонтаны в виде геркуланумских статуй... Вечерело, и павильоны были полны народом. На помосте оркестр наигрывал легкие вальсовые мелодии, под которые некоторые посетители ели, а некоторые тут же, между столами, носились в танце или, вернее сказать, обнимались, отплясывая. Женщины были в прозрачных платьях, с обнаженными руками и плечами, с прическами, перегруженными кружевом и золотом, мужчины – в сюртуках с немислимо высокими галстуками, часто с массивными золотыми часами, нарочно закрепленными на виду, то есть в передних нагрудных карманах.

Никогда прежде я не видела ничего подобного. Общество, открывшееся мне, находилось будто в каком-то чаду, пьяном угаре, – казалось, люди предаются безудержному и неприличному веселью, вырвавшись из тюрьмы или спасаясь от смерти. Я видела тут и воспитанных дам, и совершенно вульгарных женщин, увешанных, тем не менее, драгоценностями, – раньше никому и в голову не могло прийти, что они могут оказаться на вечеринке под одной крышей.

— Видите? – кивнула Эме чуть хмуро в сторону вальсирующих. – Весь Париж танцует. Все бросились в объятия Терпсихоры¹⁴! Знаете, что держать бальный зал нынче очень выгодно? К примеру, чтоб потанцевать в отеле Бирон, надо заплатить двадцать пять франков! А в отеле Телюсон – и того дороже.

— Разве теперь достаточно заплатить, чтобы попасть на бал? – растерянно осведомилась я.

— Революция всех уравнила! – язвительно пояснила Эме. – В любое общество можно попасть, имея деньги! Впрочем, у совершеннейших бедняков теперь есть собственные танцевальные залы, вход в которые стоит два су.

— Почему же вы не заведете себе бальный зал, если это так выгодно? – спросила я машинально, лишь бы что-то спросить, ибо еще не вполне поборола в себе оторопь от увиденного.

¹⁴ Муза танца.

— Легко сказать, мадам де Ла Тремуиль! Для этого надобно иметь большой дом в Париже, вроде вашего. Нет, моя мечта – игорный салон. Это куда прибыльнее и не в пример легче.

Манеры публики в ресторане Фраскати были, на мой взгляд, ужасны. Мужчины разговаривали с дамами, не снимая головных уборов, и открыто целовали им руки повыше локтя. Женщины, как я заметила, в упор, не стесняясь, разглядывали нас с Эме в лорнет и довольно громко обменивались своими впечатлениями, которые я вполне могла бы расслышать, если бы напрягла слух.

Герцогиня уверенно, я бы даже сказала, походкой гренадера пересекла зал и заняла свободный столик в нише. По всему было видно, что она здесь частый гость и официанты ей рады. Служителю, явившемуся по первому щелчку пальцев, она заказала обильный обед и две пинты шабли¹⁵.

— Будет ли петь сегодня Гара, мой любимчик? – поинтересовалась она у официанта.

— Через час или два, мадам. Не одна вы его ждете! – засмеялся официант, ловко сдергивая грязную скатерть со стола и расстилая новую.

Эме наклонилась ко мне:

— Ах, какой это певец! И какой красавец! Я с ума по нему схожу.

Я понятия не имела, кто это, и вообще нахождение в подобном месте вызывало у меня легкую тревогу, будто я находилась в притоне. Неужели именно так живет сейчас столица? Может, мне лучше уйти, пока меня никто здесь не заметил? Прежде чем я успела додумать эту мысль, официант грохнул на стол два горшка с густым овощным супом, дюжину жареных перепелов в виноградном соусе, паштет, большую тарелку с вареньем и овечьим сыром и песочный пирог с мирабелью¹⁶.

Герцогиня всплеснула руками:

— О-о! Мои перепела... Отведайте, Сюзанна, лучше этого могут быть только жареные дрозды!

Меня больше беспокоил громадный запотевший графин с белым вином, который был водружен на стол вместе со снедью. Зачем столько вина? Он напомнил мне большущие фьяски¹⁷ с кьянти, столь популярные в моей родной Тоскане, и я с тревогой сказала об этом сотрапезнице.

— Ну так ничего удивительного, – заявила Эме, – Фраскати итальянец, вот и подает щедро.

Она вскинула на меня глаза и добавила:

— Впрочем, ваши материнские корни – тоже из Италии, насколько я знаю. Черт возьми! Вот теперь мне вполне понятен замысел нашего дружка Талейрана. Каков хитрец, все предусмотрел!

— Что вы имеете в виду?

— Вы – наполовину итальянка. Ха-ха, у вас с Бонапартом куда больше общего, чем можно подумать сначала!..

Мне слегка надоели намеки, которые она то и дело рассыпала на предмет каких-то планов Талейрана относительно меня, и я решила ответить прямо, не останавливаясь даже перед грубостью.

— Что вы болтаете, Эме? Может, вам еще взбредет в голову сказать, что Талейран готовит меня для консульской постели? На мой взгляд, вы именно к этому клоните!

¹⁵ Белое вино.

¹⁶ Род некрупных желтых слив.

¹⁷ Оплетенные фляги.

Герцогиня, успевшая уже осушить бокал вина, громко рассмеялась. На щеках у нее уже цвел румянец.

— Э-э, моя дорогая, вы никогда не были глупы! Догадались! Ну, а почему нет? Все может быть!

— Я замужем, если вы забыли.

— Ну и кому когда это мешало? Не лицемерьте! У меня было два мужа... а у вас, насколько я знаю, – целых три, причем один из них был, проклятье, якобинец. А граф д'Артуа, ваш пылкий поклонник? Париж еще не забыл ваших с ним зимних катаний по улицам...

Она глотнула еще вина и, явно желая поставить меня на место, заявила:

— Чем вы лучше других, спрашивается? Ну, чем? Время сделало из каждой из нас куртизанку. Все продаются... – Эме засмеялась и, играя бровями, добавила: – Правда, вам удалось сохранить благопристойный облик. Герцог дю Шатлэ появился очень кстати и дал вам возможность играть спектакль долгого и прочного замужества!..

— По-моему, в вас говорит зависть, герцогиня, – парировала я, скрывая за спокойствием возмущение. Внутри меня все вибрировало. Никогда прежде я не слышала о себе таких мерзких завистливых речей! – У нас с господином дю Шатлэ два сына. Только полный глупец или откровенный недруг может назвать такой брак спектаклем!

— Ах ну да, ну да...

Она обгрызла тушку перепела, отбросила кости в сторону и, небрежно утершись салфеткой, смерила меня недобрый взглядом.

— Не буду судить. Мне нет до этого дела. Я только прекрасно знаю: если дама явилась в Париж и согласилась дружить с первым консулом, ее аристократические принципы забыты. Забыты на-всег-да! Не убеждайте меня в обратном. Это ни хорошо и ни плохо, это просто факт...

Я не стала спорить, потому что не видела смысла переубеждать женщину, настроенную явно враждебно и явно побитую жизнью. Картина ее жизни мне была предельно ясна. В Париже бывшая герцогиня де Флери перебивалась с хлеба на квас, выполняя салонные поручения Талейрана и Клавьера: кого-то с кем-то поссорить, до кого-то донести нужную информацию, – а полученные деньги спускала на развлечения, вино и мужчин, и это было очевидно по ее опустившемуся облику. Молодость еще позволяла ей считаться красивой, но зрелище она производила не самое приятное: ела неряшливо, пила много и жадно – графин пустел на глазах, в ее взгляде постоянно мелькали завистливые недобрые чувства, которые герцогиня испытывала, очевидно, к каждой женщине, выглядевшей более благополучно.

Мне было даже слегка жаль ее, и страшно от того, во что может превратиться прежде благородная дама, решившая вести так называемую независимую жизнь. Нет, если бы мне пришлось жить в Париже без мужа, я бы постаралась устроиться более правильно. Я бы не хотела, чтоб дети видели меня такой... И я бы не тратила свое время на ожидание пения какого-то красавчика Гара в сомнительном ресторане. «Надо расспросить ее об Англии, – мелькнуло у меня в голове, – а то она станет совсем пьяна и ничего не расскажет».

— Как вы жили в Лондоне, Эме? – спросила я как можно спокойнее, положив и себе на тарелку кусок пирога. Должно быть, начав есть, я немного развею ее недоверие и расположу к откровенности. – Какова судьба аристократок, которые уехали туда?

Герцогиня де Флери не отмахнулась от моего вопроса. Напротив, несмотря на опьянение, она заговорила об Англии с такой готовностью, что я поняла: это именно та тема, на которую ей было поручено говорить со мной. Пить она не прекращала, но речь ее звучала вполне связно, и вывод из рассказа напрашивался один: Лондон – это конец жизни, нечего даже думать об эмиграции туда!

— Бр-р, этот туман! Эти дожди... и этот их дурацкий высший свет! В мае собираются на скачки, в августе идут на охоту и купаются в море, в январе разъезжаются по усадьбам – словом,

все наоборот, все не так, как было в Версале! Там очень своеобразный светский сезон... да еще попробуйте поучаствовать в нем! Для этого нужно быть представленной ко двору, а как это сделать дамам, которые в разводе?

— Но ведь наши подруги, уехавшие туда, зачастую не были в разводе, – возразила я. Взгляд Эме был откровенно насмешлив.

— Не были? Так вот скажу я вам, они почти все в течение первого года жизни в Лондоне потеряли мужей. Не в том смысле, что мужья умерли, – мужья просто сбежали! Так поступил сначала мой муж герцог де Флери, потом – мой второй муж граф де Монтрон... Граф д'Артуа не живет с супругой даже для видимости, она обитает теперь в Австрии! А Натали де Лаборд, герцогиня де Муши? Бедняжка! Она тронулась рассудком, гоняясь за своим вероломным мужем, который нашел для себя новую красотку и знать не хотел жену! Сейчас она вернулась в Париж и, возможно, хоть здесь ее здоровье восстановится...

— А Тереза де Водрейль? – вырвалось у меня негромко.

— Господи, да она давно умерла, – ответила Эме небрежно. – Сиротами остались пятеро детей, а граф де Водрейль скоропалительно женился на своей кузине, которая младше его на двадцать лет!

— Тереза умерла?! – переспросила я ужаснувшись. – От чего?

— По слухам, от чахотки. В Лондоне довольно легко можно подхватить эту болезнь, разве вы не знали?

Я молчала, чувствуя, как у меня все сжалось внутри. Тереза, подруга детства, воспитанница санлисского монастыря... Я очень давно не слышала о ней, но и мысли не допускала, что ее нет в живых, – она ведь старше меня всего на два года! Чахотка? Должно быть, жизнь в Лондоне действительно была тягостна, если подобная хворь прицепилась к высокой, сильной, обычно такой румяной женщине...

«И мне тоже ехать в Лондон? В такой климат? Зачем?»

Эме, которой было поручено отвратить меня от Англии, наверное, сама не подозревала, насколько преуспела. Она еще бормотала что-то о безумии английского короля, о том, как жители Туманного Альбиона не любят французов, и как там тяжело жить, не имея денег, но для меня самым убедительным из ее рассказов было именно сообщение о Терезе. Черничный дом, Блюберри-Хаус – может быть, он и мил, и красив, но все мое существо сопротивлялось переезду туда, и любая улица Парижа, запруженная сбродом, была приятнее, чем все вместе взятое благопристойное английское общество...

«Нет, не надо спешить. Надо присмотреться к консульскому двору. Александр влечет меня в Англию, туда, где мне наверняка не понравится... Да еще там будет постоянно мелькать леди Мелинда... Кто знает, как подействуют на меня лондонские дожди вкупе с переживаниями ревности? Моя мать умерла от чахотки, значит, это может задеть и меня... А ведь я молода, и у меня столько маленьких детей! Оставить их сиротами, как оставила своих малышей Тереза? Господи ты Боже мой, с такой участью я не согласна!»

— Новая любовь графа д'Артуа, графиня де Поластрон, к слову, тоже больна, – сказала Эме, будто прочитав мои мысли. – Да-да! И тоже чахоткой.

— Однако ж англичане живут и не умирают, – попыталась возразить я.

— Не умирают, конечно, – подтвердила герцогиня, слегка икнув. – Они привыкли! А француз, когда оказывается там, не может унять ностальгии, – спросите хотя бы у Талейрана. Эта ностальгия и сводит наших в могилу.

— Но мой отец живет там уже давно. И мой сын...

Разговор прервался, потому что к нашему столику приблизился мужчина, при виде которого глаза Эме де Куаньи заблестели. Это был щеголь невероятного в общем-то вида: в коротком сюртуке и немислимо высоко натянутых узких брюках-лосинах, обтягивающих сильные длинные ноги, в галстуке, завязанном едва ли не вокруг ушей, и с бесчисленным числом тем-

ных завитых локонов, спущенных на лоб. Плечи сюртука были явно набиты ватой, что делало фигуру этого молодца похожей на фигуры древнегреческих дискоболов. Он был высок, красив и настолько самоуверен, что не приходилось сомневаться: его вид – никакая не нелепость, а последний писк парижской мужской моды.

— О, Гара, радость моя! Я не ждала тебя так рано!

Эме протянула к нему руки и без всяких церемоний обменялась с молодчиком поцелуем в губы. Выпрямившись, он пошарил по карманам и, отыскав в них конфеты, щедро отсыпал мне и герцогине по полфунта леденцов.

— Я так спешил угодить вам, мои прелестные, что пришел сегодня пораньше. Надеюсь, у меня будет сегодня успех!

Он говорил, сознательно пропуская в речи букву «р». Эме хрипловато расхохоталась:

— Гара, он такой выдумщик! Это его затея – реформа языка, не удивляйтесь, дорогуща!

— Согласная «р» чересчур груба, – свысока пояснил мне молодой человек, – поэтому я вычеркнул ее из алфавита. И половина Парижа последовала моему примеру!

Ему делали знаки из оркестра, и он, по-видимому, спешил. Наклонившись к герцогине, он шепотом обменялся с ней какими-то признаниями, и я с удивлением увидела, как кошелек из руки Эме переключался в карман этого модного хлыща. «Господи, да она еще и платит своему любовнику», – догадалась я, и внутри у меня зашевелилось отвращение. Вся эта мода и все это общество не вызвали у меня никакой приязни, и я дала себе слово, что никогда больше не окажусь здесь. У меня была большая надежда на то, что в своем кругу первый консул не допускает ничего подобного.

Хотя голос у Гара был неплох, арии Монсиньи в его исполнении звучали натужно и карикатурно. Было трудно сказать, нарочно он уродует эти музыкальные произведения или искренне полагает, что они должны иметь именно такое клоунское звучание... Впрочем, публика у Фраскати, похоже, приветствовала все нелепое и несообразное, рукоплескала любой глупости, если она имела налет развязности. Нет, надо уходить отсюда, хватит приключений... Я стала искать глазами выход и своего лакея, но тут Эме, угадав мои намерения, довольно властно придержала меня за локоть.

— Стойте! Куда вы спешите? Вы еще и не пили ничего. Ну-ка, хоть один раз со мной... за нашу придворную юность, Сюзанна!

Она уже была изрядно пьяна, глаза ее блуждали и, кажется, опьянение пробуждало в ней какую-то агрессию. Мне даже показалось, что она пару раз позволила себе втихомолку нецензурно выругаться... Пить с герцогиней я не имела ни малейшего намерения, и мне надоело разыгрывать перед ней пай-девочку. Разозлившись, я сбросила ее руку со своего локтя:

— Утомонитесь, Эме! Не теряйте остатки достоинства.

— Достоинства! – В ее глазах промелькнула злость. Она наклонилась ко мне, обдав нечистым дыханием: – То есть остатки достоинства! Вы что, будете учить меня? А чем вы лучше меня?

Мне все это надоело, и я решила больше не сдерживаться. Что мне мешает сказать этой дуре правду?

— Хотя бы тем, что не пью, как мужчина, и не плачу любовникам! – бросила я резко, отталкивая ее.

От этого ответа красное лицо Эме позеленело.

— Вот как?! Дьявольщина! Тебе-то откуда известно, кому я плачу? Вино – это не грех... да и любовь, черт возьми, не грех! Хоть бы даже и к Гара... А вот ты, белокурая кукла, под сколькими якобинцами ты валялась, чтобы выжить? И теперь снова приехала, чтобы продаться подороже. Хорошо, что нашелся покупатель... но это не делает тебя лучше меня, чертовка!

Она перешла на «ты» и была явно разъярена. Я встала, намереваясь уйти, но эта фурия, плеснув в бокал вина, снова вцепилась в меня, требуя, чтобы я непременно его осушила.

— Брезгуешь? Пей, говорю тебе! Я не какая-нибудь побирушка, а урожденная Франкетто, герцогиня де Флери... тебе не зазорно со мной выпить, будь ты даже будущая любовница Бонапарта!

У меня перехватило дыхание, и ярость тоже затуманила рассудок. Никогда прежде я не была так близка к потасовке. Но драться здесь, среди людей? С женщиной? Боже, что за неопишущий ужас! Я готова была выбить у нее из рук бокал, с которым она ко мне приставала, и, рывком вырвавшись, убежать. Или, может, лучше закатить ей пощечину? Возможно, это ее на миг отрезвит?

Впрочем, вместо отрезвления она могла бы броситься в открытую пьяную драку. Кто знает, она вполне может обладать подобным опытом, раз таскается по разгульным местечкам... Грубой силе этой коровы я вряд ли могла что-либо противопоставить. Сцепив зубы, я подавила ярость, а потом, медленно забрав у нее из рук бокал, толкнула ее назад в кресло.

— Хорошо. Я с тобой выпью. Успокойся, мадам Франкетто!

Она тяжело присела, переводя дыхание. Воспользовавшись тем, что Эме отвела от меня взгляд, разыскивая собственный бокал, я сделала только один глоток, а остаток вина выплеснула под стол. Теперь, когда ее клешни не вцеплялись в меня, настала хорошая минута для побега. Однако...

— Приветствую вас, дамы! Разрешите присоединиться? Я абсолютно свободен сегодня вечером и чудовищно голоден.

Бархатный мужской голос, раздавшийся позади, заставил меня вздрогнуть. Кто это? Еще один приятель этой пьянчужки? Но что за знакомые интонации? Неужели...

Я обернулась. Сердце у меня пропустило один удар. Смутная догадка, мелькнувшая в голове при первых звуках этого голоса, подтвердилась: передо мной стоял Рене Клавьер.

3

— Вот это да, – произнес он с непонятым выражением. – Какая встреча!

В первый момент у меня мелькнула мысль, что это ловушка. Эме, эта мерзавка, нарочно заманила меня сюда, чтоб свести со злейшим врагом! Вне себя от ярости, я взглянула на подвыпившую герцогиню: мол, это твоих рук дело? Однако Эме, казалось, ничего не поняла из моего взгляда, и злорадного торжества в ее поведении не наблюдалось, только явная неприязнь, как и прежде. Да и Клавьер не выглядел как человек, заманивший кого-либо западню, – он был удивлен, казалось, не менее, чем я.

— Здравствуйте, друг мой, – бросила ему Эме, сделав пригласительный жест рукой, – присаживайтесь! Всегда рада вашей компании... Со мной моя давняя знакомая, герцогиня дю Шатлэ. Мы заехали сюда, чтобы пообедать и поболтать о прошлом.

— Герцогиня дю Шатлэ, – повторил он, не спуская с меня взгляда. – Да, прелестно... Ну, что ж, мое почтение!

Для полной нелепицы не хватало еще того, чтоб теперь уже он мне представился. Я застыла, комкая в руках салфетку, не представляя, как поступить. С одной стороны, здравый смысл приказывал мне бежать отсюда, с другой – Эме была не столько пьяна, сколько агрессивна, и нюх на сплетни у нее вряд ли притупился от выпитого шабли. Если она ничего не знает о моих отношениях с Клавьером и раз он сам ей об этом не разболтал, пусть так и остается в неведении. Если я бесцеремонно сбегаю, она что-то заподозрит, если останусь – ничего не заметит... Меньше будет грязи выливаться на меня в Париже! Сейчас, когда в столице находился Александр, я была настроена любой ценой избегать скандалов, связанных с моим прошлым.

— Я слышал, что ваш супруг в Париже, мадам, – произнес банкир, будто угадав мои мысли, и тон его был на удивление учтив. «Вероятно, это для публики, – подумала я, – тоже зачем-то скрывает факт нашего знакомства, подлец! Вот только зачем?» – Прогуливаясь по Елисейским полям, я видел статью о нем в «Монитере».

Из кармана его сюртука действительно выглядывал уголок свернутой газеты.

— Что же вы стоите? – бурно вмешалась Эме. – Садитесь, наконец, и скрасьте наше женское одиночество! Отведаете с нами белого вина?

— Э-э, нет. Даже видеть его перед собой не хочу. Да и вам, дорогая Эме, пора прекратить пить, иначе вы не дойдете до экипажа.

Он сделал знак, и графин, пугавший меня, вмиг убрали со стола. По всей видимости, Клавьер был в курсе наклонностей своей подруги и желал избежать эксцессов. Взгляд его серых глаз, направленных на меня, был светлый, вроде как открытый, но я чувствовала, что он сосредоточенно о чем-то размышляет, хотя и не могла понять, о чем именно. Будто решившись на что-то, он галантно пододвинул мне стул.

— Прошу вас, герцогиня. Уверен, статья в «Монитере» будет вам интересна.

— Какое внимание уделяет консульская печать нам, роялистам! – захохотала Эме. – О нас уже пишут в газетах, черт возьми! Кто бы знал, когда у нас благодаря этому появятся деньги?

Я присела за стол, натянутая как струна. В газете, которую он мне предложил, действительно была статья, в которой говорилось о миссии Кадудаль в Париже и упоминалось имя Александра наряду с именами Бурмона, Соль де Гризоля и Сент-Илэра. «Жорж Кадудаль прибыл в столицу, чтобы заключить мир с первым консулом и принять его предложение присоединиться к республиканской армии, – говорилось в газете, – все условия этого перемирия были обсуждены еще в январе, и планы Англии, таким образом, ожидает абсолютный крах. Кадудаль полон решимости поставить свои отряды на службу Республике».

Я читала эту галиматью, но от моих глаз не укрылась пантомима, разыгравшаяся за столом в течение считанных минут. Клавьер, перед которым здешний персонал вился, как уж на сковородке, шепнул пару слов официанту, тот сломя голову помчался к помосту, где распевал Гара, и, очевидно, передал ему какую-то просьбу банкира. Модный певец, закончив очередную арию, тут же устремился к нашему столу и решительным движением сграбастал Эме за талию.

— Умираю от желания потанцевать с вами, душенька! – воскликнул он, все так же картавя. – Давайте же, пару гавотов, с вашей несравненной грацией!..

Эме не заставила себя уговаривать и охотно отправилась танцевать в обнимку с певцом. Я подняла на Клавьера довольно мрачные глаза.

— Услали Эме подальше, да? Ловко это у вас получается!

— Почему бы нет? – Его тон был невозмутим. – Этот красавец каждую среду поет на вечерах у моей Терезы, получает за это деньги, которых не заслуживает. Разве не может он оказать мне услугу?

— А зачем вам эта услуга, позвольте спросить?

— Мне нужно поговорить с вами без свидетелей, только и всего.

Размышляя, что бы это все значило, я медленно отложила газету.

— С чего вы взяли, что я буду говорить с вами?

Он вальяжным жестом достал из кармана сюртука золотые часы, проверил время и, чуть наклонившись ко мне, вполголоса произнес:

— Признаться, я слышал, что вы в Париже. И сейчас, когда случай нас вот так неожиданно свел, я решил, что вам небезынтересно будет поговорить о своем муже.

— О моем муже? – У меня застучало в ушах. Сам факт того, что он упоминает об Александре, был невероятен. – Да что вы о нем знаете?

— Я могу дать ему дельный совет.

— Зачем?

— Затем, что в деле, которым он занимается в столице, есть и моя заинтересованность.

Заметив, что я крайне насторожена, он усмехнулся:

— Полноте! Не дуйтесь. Что нам теперь делить? Все в прошлом. Дело чисто политическое, так что можете спрятать иголки.

— Политическое дело, – повторила я насмешливо. – Вы еще не достаточно насиделись в тюрьме? Вам так понравилось в Сен-Пелажи, что вы снова ищете интриг?

Он закурил сигару, поднесенную официантом. Взгляд его обратился к танцующим, он проследил за Эме, которая в достаточном отдалении от нас галопировала с Гара. Потом, стряхнув пепел с сигары, признал:

— Черт возьми, милочка, вы хорошо осведомлены. Наверное, наш общий друг Талейран снабжает вас нужными сведениями?

— Вы не очень бахвалитесь, записывая Мориса в друзья? – съязвила я, пропуская мимо ушей это его «милочка». Разве в обращении было дело? – Он друг первого консула, а вы, как известно, в опале у нынешнего режима.

Клавьер пожал плечами.

— Друг, недруг... Это все так быстро меняется нынче, мадам. Однако вы не вполне представляете себе картину мира, и я вас кое-чем удивлю. Нашему общему другу, – он сказал это подчеркнуто настойчиво, – да, именно так... нашему общему другу я обязан тем, что был не расстрелян этим корсиканцем, а только арестован. Так что связи с Талейраном у меня вполне дружеские, можете мне верить.

— Каким же образом Морис вас спас? – спросила я недоверчиво.

— Да вот так, представьте. Спас запиской. Когда 25 января я возвращался вечером домой, дворецкий передал мне письмо, написанное карандашом. Записку оставили с рекомендацией не позволить мне пройти в дом, пока я не прочту ее... Талейран предупредил меня, что мне грозит полная конфискация, высылка, возможно, даже расстрел. Ну, благодаря такому предупреждению я решил переночевать в другом месте... где успел подготовиться к аресту и почистить свои дела. Вы же слышали, что после проверки моих счетов ровно ничего не нашли, сколько бы Бонапарт ни бесновался.

Легким жестом прикоснувшись к левой стороне груди, Клавьер вкрадчиво добавил:

— А записку я храню здесь, у сердца. На всякий случай.

Я внимательно смотрела на него. Вид у Клавьера был крайне респектабельный, свежий, если не сказать лощеный, и самоуверенный. Одет он был с иголочки, как всегда: молочного оттенка сюртук, великолепный, хорошо повязанный галстук гранатового цвета с умопомрачительной бриллиантовой булавкой, высокие, предназначенные для верховой езды сапоги а ля русс¹⁸ из мягчайшей шоколадной замши. Изящные запонки из весьма модного нынче сердоликового камня украшали шелковую сорочку у запястий... Прическа у него была другая, а ля Тит¹⁹, но светлые волосы были завиты очень искусно. В общем, и эта одежда, и эта прическа ему очень шли, и он выглядел даже лучше, чем обычно. Во всяком случае, он нисколько не походил на затравленного, побитого обстоятельствами врага Консулата.

«Возможно, это Тереза так о нем заботится, ведь он вроде бы сейчас начал жить семейной жизнью, – предположила я мысленно. – Впрочем, что за вздор! Тереза – ха, образец вкуса!» Мне было известно, что эта львица моды однажды явилась в Оперу в натуральной тигровой шкуре, перехваченной золотым поясом и доходящей едва ли до колен, с колчаном, усыпанным бриллиантами, за спиной, – тут можно было говорить о чем угодно, только не о хорошем вкусе.

— Да, у меня все хорошо, – заявил он, заметив мое пристальное внимание. – И успокойтесь, я не собираюсь вливаться в ваши ряды и лично поднимать белое знамя. Я лишь хочу осложнить корсиканцу жизнь, только и всего. Раз уж вы повстречались мне, я кое-что передам вашему супругу, ведь иного способа повлиять на него у меня нет.

¹⁸ Сапоги, в которые заправлялись брюки.

¹⁹ Короткая стрижка, модная в те времена. Волосы коротко подстригались на затылке и завивались крупными прядями, направленными чуть вперед, к лицу.

Я молчала. Кое о чем я уже начинала догадываться, конечно. Сообщение об участии Талейрана в спасении банкира от расстрела меня в общем-то не удивило, и я сразу ему поверила, потому что оно звучало вполне правдоподобно. Морису это свойственно – раскладывать яйца в разные корзины, особенно если предположить, что через Клавьера он кое-что зарабатывает на бирже. Ясно, что он не желал его полной гибели... Однако Клавьер, очевидно, затаил зло на консула и стремится слегка подточить ножки у стула, который нынче занял Бонапарт.

— Вы избежали расстрела за финансовые махинации, – сказала я резко, – но, вероятно, не поняли, что роялистские дела – куда более опасны. Лучше вам в них не вмешиваться.

— Боже упаси! Даже не собираюсь. Просто я слышал, мадам, что некоторые ваши собрания по сословию колеблются и готовы пойти на службу к Бонапарту. Передайте им, чтоб не делали этой глупости. Он передумит их по одиночке, точно котят, сразу после того, как продемонстрирует публике, что обесчестил их. Читали «Монитор»? Даже в газете он их принижает.

— Запугиваете? – спросила я насмешливо. – Неужели вы думаете, что роялисты не подумали об этой опасности быть обманутыми первыми, еще до того, как приехали в Париж?

— Приехали-то они в Париж под нажимом, если не сказать под конвоем, – парировал он. – Но теперь они вольны бежать отсюда, пока корсиканец еще на что-то надеется и медлит. Пусть скажут ему «нет» и убираются в Англию, там им найдут достойное занятие и достойно вооружат. А я, со своей стороны, готов содействовать им в побеге и во всем остальном. Для этого у меня есть кое-какие способы.

— Будьте спокойны, – ледяным тоном сказала я, – они не будут нуждаться в помощи, если примут решение бежать или бороться.

— Ну, во всяком случае они могут рассчитывать на меня, если решатся на побег. Да и что значит решатся? У них-то и выбора другого нет: останься они здесь, им рано или поздно наступит конец, вы уж поверьте, моя милая.

Он отбросил сигару и с ожесточением повторил:

— Я хорошо изучил этого ублюдка. Он раздавит всякого, кто с ним не согласен. Одна надежда на то, что Англия его образумит.

«Ублюдок» – это, конечно, был Бонапарт... Я помешала ложечкой чай, не зная, что сразу ответить. Ненависть банкира к первому консулу была понятна: последний мало того, что пресек разворовывание казны, принятое при Директории, и положил конец всесилию Барраса, закадычного друга Клавьера, он еще и засадил банкира в тюрьму, пытался отдать под суд, и только вмешательство финансовых воротил и недовольство буржуазных кругов остановило Бонапарта от этого шага.

Это все было ясно. Но мне сейчас открылся один поразительный факт: Клавьер, по-видимому, абсолютно ничего не знает о планах Талейрана ввести меня в ныне создаваемый консульский двор!.. Он воспринимал меня как супругу пламенного роялиста, которая приехала в Париж лишь затем, чтоб поддержать мужа. Если б он знал хоть что-то... он не произнес бы ни одного из тех опасных слов, которые я услышала нынче. Как видно, Талейран, несмотря на дружбу с ним, утаил от него нюансы приготовления к балу и мою предстоящую роль на этом балу.

«По сути, этот торгаш у меня в руках, – подумала я ошеломленно. – Я могу подставить его, довести до тюрьмы, если соглашусь играть в эту игру. Шутка сказать – предложение помощи роялистам! Желание им содействовать... За это упекут в Консьержери без особых церемоний». Действительно, что мне мешает просто рассказать об этом разговоре первому консулу, когда я увижу его на балу? Я лишь намекну, что богатейший человек страны готов поддержать роялистские заговоры. Всего несколько слов... и месть будет такой сокрушительной...

«Я пойду на бал. Теперь уже точно. Похоже, там могут решиться очень многие вопросы...».

Пока я напряженно размышляла, Клавьер не молчал. Он говорил о том, что много слышал о моем муже и поражен его несгибаемостью, его бескомпромиссной позицией, а я смотрела на него, и сотни противоречивых мыслей бились у меня в мозгу. Он сделал мне так много зла. Изошренными интригами лишил имущества, бросил беременную с двумя дочками на руках, потом, когда моя жизнь наладилась, устроил полицейскую погоню за мной по всему Парижу... Еще два года назад я узнала о том, что банкир выполняет тайные поручения английского кабинета. Он нечист на руку, невероятно изворотлив, он запускал руки по локоть в государственную казну... Господи, да он тысячу раз заслужил наказания, если не казни, то долгого, очень долгого заключения! Разве справедливо то, что такой человек живет в роскоши, спит с красивой женщиной, нянчит новорожденную дочь, ездит верхом, наслаждается жизнью?..

С другой стороны, он – отец Вероники и Изабеллы... Человек пусть и подлый, но невероятно деятельный, умный делец, финансовый хищник. Я могу попытаться его погубить, но что скажут мне дочери, если когда-либо узнают об этом? И что, если он в результате какой-то интриги все-таки вывернется, ускользнет от наказания? Не расправится ли он со мной? Его торговый дом имеет, как говорят, щупальца по обе стороны света! И в Англии от него не укропиться, он там себя чувствует, как дома.

Не в силах скрыть нервную дрожь, я порывисто придвинула к себе чашку с чаем. Посуда звякнула от резкого движения, чай разлился, но я все-таки сделала пару глотков. Черт возьми, надо успокоиться. И надо понять, что он там говорит, я совсем перестала к нему прислушиваться...

— Передайте своему супругу, мадам, что обещаниям корсиканца доверять нельзя. Он не держит слова, и растоптать договоренность для него – пустяк. Среди нас, деловых людей, это не принято. И я уверен, что среди роялистов – тоже.

— Какое же обещание, данное вам, он растоптал? – спросила я довольно рассеянно, потому что слишком важная дилемма, более важная, чем ответ на этот вопрос, занимала меня в тот миг. По сути, вероломство Бонапарта было мне и без того известно, хотя бы по истории с гибелью графа де Фротте.

— Проклятье! Я дважды встречался с ним по поводу государственных финансов. Директория задолжала мне четыре миллиона, а этот коротышка требовал у меня снова внести в казну целых двенадцать! Каждый раз он обещал мне вернуть этот давний долг взамен за мои услуги, вручал приказ о выплате. И всякий раз, едва я услуги оказывал, он этот приказ отменял! Это не говоря уже о том, что товары на моих складах были конфискованы, многие бумаги растащены, и он мне еще ничего из этого не вернул. И, похоже, не собирается возвращать.

Понизив голос, он добавил:

— Мягко говоря, финансовые круги столицы обеспокоены не на шутку. Этот генерал хочет управлять деньгами так же, как управляет своими солдафонами. Но этот номер у него не пройдет, о банкиров он поломает зубы.

Все эти фантастические цифры – четыре миллиона, двенадцать – звучали для меня как нечто невероятное. Я невольно почувствовала, что говорю сейчас с человеком совершенно иного плана, чем мой муж и его друзья. Это был человек неблагородный, без особых привычных мне принципов, но по-своему цепкий и сильный, этого нельзя было отрицать. «И я могу упрятать его за решетку, – снова пронеслось у меня в голове. – Наверняка Бонапарт понимает, как опасен для него Клавьер... такой решительный... и владеющий вдобавок капиталом в тридцать миллионов франков...»

Не подозревая, какие мысли будоражат мое сознание, банкир вполголоса повторил:

— Я и мои друзья готовы объединить усилия с вами, роялистами. Передайте это супругу, мадам, и, если возможно, господину Кадудалю. Ходят слухи, что господин Кадудаль намеревается похитить первого консула по дороге в Мальмезон. Так вот, если б это случилось, если б какие-нибудь смелые люди увезли этого корсиканского вымогателя из Парижа куда-нибудь

подальше и подольше не отпускали, многие коммерсанты не пожалели бы денег, чтобы помочь этим удалцам.

Я чуть не подпрыгнула, услышав такое. Похитить первого консула! Несмотря на то, что я была супругой одного из самых видных роялистов, ничего подобного мне слышать не приходилось.

— Это полная ерунда! – заявила я озадаченно. – Об этом совсем нет речи! Как... как только можно выдумать подобное?

Он откинулся за спинку кресла.

— Вы, мадам, просто передайте своим друзьям то, что я говорю. Из своих источников я знаю, что такие планы есть. Но, вероятно, их не обсуждают с женщинами, и это правильно. – Он улыбнулся: – Не всякий, подобно мне и Талейрану, признает силу женщин в политике.

От меня не укрылось, как вежливо и учтиво он вел этот разговор. Если не считать словечка «милочка», пару раз по привычке слетевшего у него с языка, в течение всей беседы он уважительно величал меня «мадам», чего я со времен взятия Бастилии у него не наблюдала. В общем, Клавьер был совершенно уверен, что говорит с преданной супругой роялиста, знатной дамой, не помышляющей ни о чем, кроме как о помощи мужу. Он не угрожал, не язвил, не намекал на прошлое, некогда связавшее нас кратковременными любовными узами, – он вел себя со мной, как с герцогиней, чуть ли не впервые ему представленной. «Надо же, как возжелал союза с роялистами! – подумала я даже с некоторым злорадством. – Быстро же нужда научила его хорошим манерам!»

Однако вслух я не знала, что ему сказать. Я наперед знала, что никогда в жизни не заговорю с Александром о Клавьере и не буду пересказывать ему этот разговор. Нет-нет, это совершенно исключено. Но вот с другой стороны... если мне понадобится отомстить банкиру... то есть если мне очень захочется... я вполне могу использовать эти неожиданно свалившиеся на меня сведения.

— Мне надо подумать, – сказала я негромко, и была в тот момент совершенно искренна. Мне действительно очень много надо было осмыслить. – Да и вообще уже поздно. Сейчас вернется Эме и...

— Я провожу вас до выхода. На пороге сейчас невероятная толчея, вам не удастся сразу отыскать свою карету.

Я не очень хотела этого, но не стала протестовать, отчасти потому, что голова моя была занята иными мыслями, отчасти и из-за того, что публика у Фраскати действительно внушала мне опасения. Пусть уж поохраняет меня, на него после этого разговора можно положиться... Довольно галантно он довел меня до выхода, предупредительно распахивая передо мной двери. В какой-то миг его рука случайно дотронулась до моей руки, а сам он, подавшись вперед, оказался так близко, что его шляпа коснулась моей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.